B63 —
430

В63 430

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ

и

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ѲЕОДОРЪ РОСТИСЛАВИЧЪ

ЯРОСЛАВСКІЙ И СМОЛЕНСКІЙ.

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1899.

В63 430

Снимокъ со св. иконы XV вѣка.

Преображенский, Г.
х

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ

и

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ѲЕОДОРЪ РОСТИСЛАВИЧЪ

ЯРОСЛАВСКІЙ И СМОЛЕНСКІЙ.

1132/3

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1899.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, сентября 6-го дня 1899 г.

Цензоръ свящ. *Григорій Дьяченко.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

703629

Святый благовѣрный и великій князь Ѳеодоръ Ростиславичъ ярославскій и смоленскій *).

Помянухъ дни древнїя и поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ. (Пс. рмв, ε.).

Настоящее торжество, установленное въ честь и славу святаго и Благовѣрнаго князя Ярославскаго и Смоленскаго Ѳеодора Ростиславича, есть не иное что, какъ воспоминаніе дней древнихъ, дней близкихъ нашему духу, дней священныхъ для насъ и поучительныхъ. Это торжество приняла подъ свою благодатную сѣнь святая и православная церковь. Она празднуетъ нынѣ исполненіе шестого столѣтія со дня блаженной кончины святаго князя Ѳеодора Ростиславича, коего нетлѣнныя мощи открыто почиваютъ у насъ въ Ярославлѣ, въ Спасопреображенской обители, въ храмѣ благовѣрныхъ князей Ѳеодора и чадъ его Давида и Константина, ярославскихъ чудотворцевъ. А посему не только умѣстно и прилично, но и весьма назидательно воспомянуть тѣ древніе и благословенные дни, когда жилъ Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, дабы отъ тѣхъ дней поучиться добру, которымъ отличалась наша древняя, святая и православная Русь.

Святый и Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ былъ младшій сынъ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича.

---

*) Ко дню торжества шестисотлѣтія со времени кончины св. благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича составилъ преподаватель Ярославской духовной семинаріи Г. Преображенскій.

При своей жизни онъ носилъ названіе «Чернаго». Это названіе было дано ему, вѣроятно, отъ смуглаго цвѣта лица его и черныхъ волосъ.

Русская земля, сдѣлавшаяся государствомъ въ половинѣ IX вѣка (862 г.), была тогда, сравнительно съ нынѣшней Россіей, страною, сказать можно, ничтожною. Вся область ея простиралась отъ озеръ Ладожскаго, Онежскаго и Бѣлаго до верховьевъ Днѣпра (съ сѣвера на югъ) и отъ Балтійскаго моря до р. Оки (съ запада на востокъ). Стараніями и заботами своихъ первыхъ князей, преемниковъ Рюрика, она въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ успѣла значительно раскинуть свои предѣлы, укрѣпить себя городами или крѣпостями, войти въ сношенія съ православной Византіей и частію съ Западомъ, просвѣтиться Христовымъ ученіемъ, завести школы, написать свои законы. Словомъ, она успѣла встать на твердыхъ основаніяхъ истинной вѣры, нравственности и гражданскихъ порядковъ. Но послѣ смерти великаго князя русской земли Ярослава I Мудраго она должна была раздробиться на нѣсколько княжествъ, по числу князей, являвшихся съ правами на отдѣльныя области, какъ на законное наслѣдство своихъ отцовъ. Такое дробленіе русской земли на отдѣльныя княжества продолжалось около трехъ вѣковъ. Въ первыя времена этимъ дробленіемъ не нарушалось единство русской земли, потому что у всѣхъ удѣльныхъ князей былъ одинъ «великій князь», который для всѣхъ ихъ имѣлъ значеніе отца. Всѣ удѣльные князья должны были во всемъ слушаться и почитать его. Потомъ, съ теченіемъ времени родовая связь между князьями Рюрикова дома стала слабѣть, интересы и выгоды разъединяться; великіе князья стали думать объ увеличеніи своихъ владѣній и стали усиливать себя насчетъ удѣльныхъ князей; тогда и удѣльные князья стали думать объ увеличеніи своей собственной силы: мысль о единствѣ русской земли стала слабѣть и удѣльные князья стали обособляться. Каждое

удѣльное княжество стало заботиться о томъ, чтобы въ немъ господствовала своя особая вѣтвь князей Рюрикова дома, чтобы въ немъ былъ свой особый «великій князь» и свои удѣльные князья. Такъ явились княжества: Ростовско-Суздальское, Муромо-Рязанское, Кіевское, Черниговское, Смоленское и др. На такихъ же началахъ образовалось и Ярославское княжество. И здѣсь явилась особая вѣтвь князей ярославскихъ.

Городъ Ярославль, появившійся въ началѣ XI вѣка (около 1010 года), стоитъ на высокомъ и красивомъ берегу р. Волги, при сліяніи съ ней р. Которосли. Какъ городъ укрѣпленный, Ярославль былъ очень важнымъ пунктомъ въ борьбѣ съ черемисами, которые обитали за Волгой, на лѣвомъ ея берегу. Красота мѣста и важность въ военномъ отношеніи съ теченіемъ времени привлекли къ Ярославлю вниманіе великихъ князей русской земли. Его удержалъ за собою князь Андрей Боголюбскій, старшій сынъ Юрія Долгорукаго; его оставилъ за собою и братъ Андрея Боголюбскаго Михаилъ, когда сдѣлался великимъ владимірскимъ княземъ. Оставилъ его за собою и другой братъ Андрея Боголюбскаго Всеволодъ III, когда занялъ великокняжескій владимірскій столъ. Всеволодъ III отдалъ его своему старшему сыну Константину Всеволодовичу, и Константинъ Всеволодовичъ полюбилъ его такъ, что построилъ въ немъ дворецъ для себя и нѣсколько каменныхъ храмовъ. Онъ основалъ въ немъ училище и отдалъ ему свою библіотеку, въ которой, какъ говорятъ, однѣхъ только греческихъ книгъ было около тысячи. Предъ своею смертію онъ отдалъ Ярославль младшему своему сыну Всеволоду Константиновичу, при которомъ и образовалось отдѣльное Ярославское княжество. Въ немъ сталъ жить ярославскій князь, который сталъ называться «великимъ».

Великъ ли былъ тогда г. Ярославль, положительныхъ свѣдѣній нѣтъ; но при помощи нѣкоторыхъ данныхъ можно

сдѣлать догадки, что Ярославль былъ не обширенъ, хотя и населенъ достаточно густо. Къ такому выводу приводитъ насъ, во-первыхъ, то, что въ Ярославлѣ было тогда два монастыря, Петропавловскій и Спасскій; во-вторыхъ—то, что во время пожара, случившагося въ Ярославлѣ въ 1221 году, въ немъ сгорѣло 17 церквей. Монастыри, какъ обители, нуждавшіяся въ тиши уединенія, ставились обыкновенно внѣ городовъ. Значитъ, по берегу Волги Ярославль отъ собора не простирался далѣе нынѣ существующей Петропавловской церкви, гдѣ въ древности (XII в.) былъ монастырь Петропавловскій. Эта линія тянется всего на 600 саж.; отъ собора по берегу р. Которосли онъ едва-ли простирался далѣе Спасопреображенскаго монастыря, что нынѣ архіерейскій домъ. Эта линія тянется всего на 300 саж. Внутрь Ярославль едва ли простирался до Власьевской церкви и Казанскаго бульвара, который устроенъ на мѣстѣ бывшаго земляного вала, составлявшаго укрѣпленіе города. Линія отъ собора до Власьевской церкви тянется на 350 саж. Такимъ образомъ, кругомъ весь городъ Ярославль былъ немного болѣе 3 верстъ [1]). Что густо въ немъ было населеніе, къ этому заключенію приводитъ насъ то, что на такомъ небольшомъ пространствѣ была надобность въ 17 пунктахъ для церковной молитвы.

Ярославскій князь Всеволодъ Константиновичъ палъ въ битвѣ съ татарами на р. Сити, впадающей въ р. Мологу (близъ с. Брейтова, Яросл. губ., Молог. уѣзда). Онъ ходилъ туда на помощь великому владимірскому князю Юрію Всеволодовичу. Послѣ Всеволода Константиновича ярославскимъ княземъ сдѣлался старшій сынъ его Василій Всеволодовичъ, святыя мощи котораго почиваютъ въ ярославскомъ Успенскомъ соборѣ. На 17-мъ году своемъ отъ рожденія Василій Всеволодовичъ вступилъ въ бракъ съ княжною Ксеніею (1245), но чрезъ семь лѣтъ послѣ того умеръ во Владимірѣ, куда ѣздилъ для свиданія съ великимъ княземъ Але-

[1]) Нынѣ Ярославль въ окружности имѣетъ около 20 верстъ.

ксандромъ Ярославичемъ Невскимъ. Послѣ смерти Василія Всеволодовича осталась только одна малолѣтняя дочь Марія, а потому ярославскій престолъ былъ отданъ брату его Константину Всеволодовичу, святыя мощи котораго почиваютъ въ ярославскомъ Успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ мощами брата его Василія Всеволодовича. Но Константинъ Всеволодовичъ княжилъ не болѣе пяти лѣтъ. Въ 1257 году на Ярославль напала шайка татаръ. Константинъ Всеволодовичъ рѣшился защищать свой стольный городъ и выступилъ противъ татаръ съ тѣмъ, чтобы свергнуть съ себя ненавистное татарское иго или погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ. Битва произошла 3 іюля подъ самымъ Ярославлемъ, за р. Которослью, на возвышенности, которая, вѣроятно, съ тѣхъ поръ и зовется доселѣ «Туговою» горою. Татары одолѣли и ярославцевъ погибло такое множество, что была великая и продолжительная «туга», или скорбь объ убитыхъ. Убитъ былъ здѣсь и ярославскій князь Константинъ Всеволодовичъ, тѣло котораго ярославцы и погребли въ ярославскомъ Успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ тѣломъ брата его Василія Всеволодовича.

Константинъ Всеволодовичъ въ бракъ не вступалъ, а потому ярославскій престолъ перешелъ, послѣ смерти его, къ племянницѣ Маріи, дочери Василія Всеволодовича отъ супруги его Ксеніи, которая была еще жива. Въ 1259 году Марія вступила въ бракъ съ княземъ можайскимъ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Чернымъ. Ей было тогда не болѣе 13 лѣтъ. Бракъ этотъ устроился по совѣту ростовскихъ князей Бориса и Глѣба Васильковичей, которымъ Марія была родною племянницею.

У Ѳеодора Ростиславича было два брата, Глѣбъ и Михаилъ. Ѳеодоръ былъ младшій. Смоленское княжество, доставшееся послѣ смерти отца имъ въ раздѣлъ, было довольно обширное, такъ что и младшему Ѳеодору долженъ былъ достаться удѣлъ довольной значительный; но Ѳеодоръ

отъ братьевъ своихъ получилъ только одинъ городъ Можайскъ. Можайскъ былъ городокъ небольшой и малозначительный, а потому Ѳеодоръ Ростиславичъ, женившись на Маріи Васильевнѣ, перешелъ княжить въ Ярославль и сталъ княземъ можайскимъ и ярославскимъ. Отъ брака съ Маріею Васильевною у него родился сынъ Михаилъ.

Но, конечно, не слава, не честь, не матеріальныя выгоды привлекли Ѳеодора Ростиславича въ Ярославль изъ Можайска; его заставилъ перейти въ Ярославль единственно бракъ на очень юной княжнѣ, которую на ярославскомъ столѣ замѣнить было некому. Что же касается чести и славы, то онъ и въ Ярославлѣ могъ получить очень немного. Честь и слава русскихъ князей помрачалась тогда игомъ татарскимъ. Оно лежало уже на всей русской землѣ, на князьяхъ ея и народѣ гнетомъ тяжелымъ. Съ 1237—40 года со страшными полчищами прошелъ по ней ханъ татарскій Батый и опустошилъ ее страшно. Опустошивъ землю камскихъ болгаръ, татары, «яко прузи» напали на рязанское княжество и разорили его. Разоривши потомъ города Москву и Коломну, они напали на стольный городъ Владиміръ и опустошили окрестности. Особенно тяжко пришлось пострадать городу Суздалю. Затѣмъ чрезъ Ростовъ, Ярославль они устремились на Новгородъ, но битва съ русскими князьями на р. Сити, видимо, истощила силы татаръ до того, что они отъ Новгорода повернули на югъ. Батый прошелъ чрезъ Козельскъ (Калуж. губ.) и направился въ половецкія степи, чтобы усилить себя подкрѣпленіями, а потомъ разорилъ г. Кіевъ и, побывавши на западѣ, вернулся на берега нижней Волги и на рукавѣ ея Ахтубѣ построилъ г. Сарай, который назвалъ столицею своей Золотой орды или царства. Опустошеніе русской земли было полное. О Рязани говоритъ лѣтописецъ: «татарове взяша Рязань и пожгоша весь городъ, князя ихъ Юрія убиша и княгиню его, а иныхъ же емше мужей и жены, и дѣти, и чернцы, и черницы, и ерея;

овыхъ разсѣкаху мечи, а другихъ стрѣлами стрѣляху, тьи въ огнь вметаху, иныя имающе вязаху. Много святыхъ церквей огневи предаша, а монастыри и села пожгоша» [1]). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что въ Рязани не осталось ни одного человѣка, такъ что некому было о погибшихъ и плакать. О разореніи города Владиміра говорится, что когда городъ былъ взятъ и епископъ Митрофанъ, княгиня со снохами и внучатами и множествомъ народа заперлись въ храмѣ Богоматери на полатяхъ (хорахъ), татары отломали двери храма и, не имѣя возможности перебить всѣхъ мечами и копьями, натаскали въ храмъ лѣсу и зажгли его, такъ что всѣ укрывшіеся на хорахъ должны были погибнуть отъ дыма и пламени. О разореніи Суздаля сказано: «старыя и молодыя, игумены, попы и діаконы, чернцы и черницы, и слѣпыя, и хромыя, и глухія изсѣкоша, и прочіе люди, и жены и дѣти, и босые, и безкровные, погибающимъ имъ отъ мраза» [2]). Такимъ образомъ въ ростовской и суздальской землѣ въ одинъ только мѣсяцъ февраль татары опустошили 14 городовъ, кромѣ селъ и посадовъ [3]). О разореніи Козельска лѣтопись говоритъ, что «Батый изби вся даже до отрочатей, ссущихъ млеко». Кіевъ былъ сожженъ и разрушенъ: разрушена была Десятинная церковь, Кіево-печерская лавра и проч. Путь Батыя по русской землѣ нашъ народъ помнилъ долго. Составилось даже повѣрье, что страшныя опустошенія Батыя отразились на небѣ и остались навѣки. Этимъ отраженіемъ и назывался Млечный путь, который потомъ и наука назвала «Дорогою Батыя». Русская земля билась съ татарами до изнеможенія силъ, но въ своихъ кровопролитныхъ битвахъ она истощилась до того, что долѣе бороться съ ними уже не имѣла возможности и отдалась на полную волю татарскаго хана Батыя.

---

1) Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, 222.
2) Пол. С. Р. Лѣт. I, 223.
3) Тамъ же, 225.

Батый изрекъ надъ ней свою волю: она должна была платить ему каждогодную дань, какую онъ только наложитъ; русскія князья должны были ѣздить къ нему на поклонъ и привозить дорогіе подарки какъ ему самому, такъ и женамъ его, и вельможамъ. Татарскій ханъ сталъ полнымъ повелителемъ православной русской земли; русскіе князья стали получать отъ него себѣ ярлыки (грамоты) на право княженія въ томъ или другомъ городѣ своихъ родныхъ отцовскихъ наслѣдій; по своей личной волѣ ханъ сталъ награждать русскихъ князей и лишать ихъ владѣній, сталъ наказывать ихъ и даже мучительно казнить. И чѣмъ значительнѣе, чѣмъ богаче былъ князь, тѣмъ болѣе отъ него требовалось даровъ и униженія. О какой же чести и славѣ могъ думать тогда, при такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ, Ѳеодоръ Ростиславичъ, князь ярославскій? Правда, Ярославль былъ значительно удаленъ отъ Золотой или Сарайской орды, но и онъ уже испыталъ на себѣ общую участь татарскихъ погромовъ, и онъ могъ подвергаться новымъ и новымъ погромамъ.

Къ счастію православной нашей Россіи, татары увлечены были болѣе матеріальными выгодами: имъ нужны были дань и дары. Наши князья это поняли и своею покорностью спасли и гражданскіе порядки русской земли, и святую православную вѣру свою. Кромѣ того, благопріятно для русской земли было то, что Батый уважалъ храбрость и военное мужество: онъ съ расположеніемъ относился къ нашимъ храбрымъ вождямъ. Такъ, онъ предлагалъ пощаду и миръ дружинѣ Евпатія Коловрата, напавшаго на татаръ, когда они уходили отъ опустошенной Рязани; онъ пощадилъ жизнь боярину Димитрію, защищавшему Кіевъ; онъ съ уваженіемъ встрѣтилъ въ ордѣ у себя Благовѣрнаго князя Александра Ярославовича Невскаго; онъ ласково принялъ храбраго защитника юго-западной Руси, галицкаго князя Даніила Романовича. Въ такихъ-то свойствахъ татаръ и хановъ татарскихъ Ѳеодоръ Ростиславичъ и могъ найти облегченіе

отъ невыносимаго татарскаго ига не только для себя, но и для русской земли вообще.

Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ отъ природы своей былъ человѣкъ очень скромный и добрый. Въ одномъ рукописномъ житіи говорится, что онъ и въ дѣтствѣ «уклонялся отъ дѣтскихъ игръ и обычаевъ, прилежа наипаче чтенію священныхъ книгъ» [1]). Родители измлада воспитали его въ благочестіи. Въ другомъ древнемъ рукописномъ житіи говорится, что онъ, живя въ Ярославлѣ, любилъ посѣщать «храмъ боголѣпнаго Преображенія Господня съ княгинею и чады своими, молебныя пѣнія Господу Богу и Пречистой Его Матери совершая» [2]), что онъ былъ милостивъ и щедръ къ лицамъ духовнымъ, сирымъ, убогимъ и бѣднымъ. Отъ природы же онъ былъ надѣленъ и высокимъ даромъ ума, такъ что ясно понималъ нужды времени и былъ въ средѣ русскихъ князей княземъ вліятельнымъ. Какъ потомокъ храбрыхъ и отважныхъ князей, онъ былъ тоже храбръ и отваженъ въ битвахъ съ врагами, но въ его сердцѣ жилъ миръ, а потому онъ выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ только тогда, когда требовала того нужда неотложная; но и такихъ военныхъ походовъ у него было немного.

Первый походъ его на враговъ былъ совершонъ въ 1277 г. Въ этотъ годъ онъ совершилъ походъ на ясовъ, которые жили въ Прикавказьѣ, между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами. Въ этотъ походъ послалъ его татарскій ханъ Менгу-Темиръ вмѣстѣ съ другими князьями русской земли. Такъ, въ этомъ походѣ принимали участіе Андрей городецкій, сынъ Александра Ярославича Невскаго, Борисъ ростовскій, Глѣбъ бѣлозерскій и др. Причиной, вызвавшей этотъ походъ, были волненія ясовъ противъ татаръ, которые опустошили ихъ землю еще въ началѣ своего нашествія на русскую землю; теперь ясы

---

[1]) Житія святыхъ рос. ц., сентябрь, стр. 233, по рук. библ. гр. Уварова, XVII в.

[2]) Рукоп. библ. Спасск. монастыря, № 59—46.

стали волноваться противъ татаръ, желая сбросить съ себя татарское иго. Ханъ Золотой орды Менгу-Темиръ и послалъ для усмиренія ихъ свои войска и велѣлъ идти на нихъ также русскимъ князьямъ. Русскіе князья, между которыми видное мѣсто имѣлъ Ѳеодоръ Ростиславичъ, разбили ясовъ, такъ что множество ихъ бѣжало въ греческую землю [1]). Русскіе князья взяли у ясовъ г. Дедяковъ (Дедюхъ). Ханъ наградилъ русскихъ князей дарами богатыми.

Въ слѣдующемъ 1278 году Ѳеодоръ Ростиславичъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Михаиломъ Глѣбовичемъ бѣлозерскимъ, сыномъ Глѣба Васильковича ростовскаго, ходилъ войной на болгаръ (камскихъ), которые также подчинены были татарамъ во времена нашествія ихъ на Россію. Въ Болгаріи явился какой-то предпріимчивый бродяга, котораго Карамзинъ назвалъ «свинопасомъ»; имя его было Лаханъ. Онъ сталъ собирать народъ и говорить ему, что Небо послало его освободить отечество отъ монголовъ. Народъ вѣрилъ ему, и онъ успѣлъ добиться того, что болгарскій царь выдалъ за него свою дочь. Пользуясь близостью къ болгарскому царю, онъ убилъ его и захватилъ себѣ тронъ. Такъ какъ болгары стали волноваться противъ татаръ, то ханъ и послалъ на нихъ русскихъ князей. Болгары были разбиты; Лаханъ бѣжалъ и потомъ былъ убитъ въ ордѣ Ногая [2]).

Оба эти похода были подвигами подневольными. Ѳеодоръ Ростиславичъ на ряду съ другими князьями долженъ былъ исполнить волю татарскаго хана, иначе русская земля должна была пострадать очень сильно: несомнѣнно, ханъ напомнилъ бы ей первый татарскій погромъ, а потому нужно было спасать ее исполненіемъ ханскаго требованія.

Другое дѣло было участіе ярославскаго князя Ѳеодора Ростиславича Чернаго въ междоусобной войнѣ, которую затѣяли другъ съ другомъ сыновья Александра Ярославича

---

[1]) Кар. Ист. Росс. гос. IV, гл. 5.

[2]) Кар. Ист. Рост. госс. IV, гл. 5.

Невскаго послѣ смерти отца. Это — Димитрій переяславскій и Андрей городецкій. Ссора братьевъ продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Когда въ XIII вѣкѣ опредѣлилась рознь интересовъ между великими князьями и князьями удѣльными, т. е. когда великіе князья стали усиливать себя владѣніями удѣльныхъ князей и когда удѣльные князья стали думать о защитѣ своихъ удѣловъ отъ великихъ князей, и тогда естественно было и миролюбивому, въ существѣ дѣла, Ѳеодору Ростиславичу раздѣлить нужду времени, т. е. встать на сторонѣ удѣльныхъ князей, тѣмъ болѣе что Димитрій переяславскій дѣйствовалъ безъ всякихъ, какъ говорится, стѣсненій, нарушая обычныя права и законы чести и совѣсти. Дѣло вышло такъ:

Димитрій Александровичъ переяславскій, какъ старшій сынъ Александра Ярославича Невскаго, занялъ великокняжескій владимірскій столъ. Оставивши за собой Переяславль, онъ задумалъ овладѣть и Новгородомъ. Новгородцы признали его великимъ княземъ русской земли, но ему было мало того. Подъ предлогомъ защиты Новгорода отъ шведовъ и нѣмцевъ, онъ построилъ каменную крѣпость въ Копорьѣ. Новгородцы согласились на это, но они думали, что эта крѣпость будетъ находиться въ рукахъ Великаго Новгорода, а Димитрій хотѣлъ владѣть этою крѣпостью самъ. Вслѣдствіе этого новгородцы разсорились съ княземъ. Димитрій ушелъ во Владиміръ собирать на нихъ войска; новгородцы испугались его и затихли. Но братъ его Андрей городецкій, замѣтивъ, что Димитрій стремится усилить себя, сталъ самъ хлопотать о великокняжескомъ престолѣ у хана. Онъ отправился въ орду къ Менгу-Темиру и дарами пріобрѣлъ его милость. Ханъ далъ ему татарскія полчища и ярлыкъ на великокняжескій владимірскій столъ. Тогда многіе удѣльные князья и съ ними Ѳеодоръ Ростиславичъ встали на сторону Андрея городецкаго. Увидѣвши сильный союзъ,

Димитрій ушелъ было въ Новгородъ и думалъ засѣсть въ своей крѣпости Копорьѣ, но новгородцы не пустили его. Они выставили противъ него свои новгородскіе полки, и онъ долженъ былъ отступить отъ Копорья, а новгородцы эту крѣпость разрушили.

Между тѣмъ татары, приведенные Андреемъ городецкимъ, разсыпались по владиміро-суздальской землѣ и опустошили ее. Не осталось человѣка, который бы не оплакивалъ отца или сына, сестры или брата. Въ Рождество Христово церкви стояли пусты: вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ только плачъ и стонъ [1]). Димитрій переяславскій бѣжалъ за море, а Андрей, братъ его, сѣлъ на владимірскій столъ. Новгородцы признали и его своимъ княземъ. Татары, помогавшіе ему, ушли изъ предѣловъ русской земли. Тогда распространилась вѣсть, что Димитрій привелъ изъ-за моря войска. Андрей вышелъ изъ Новгорода и снова отправился къ хану Золотой орды просить помощи въ борьбѣ съ своимъ братомъ. Ханомъ въ ордѣ былъ уже Тудай-Менгу, братъ Менгу-Темира. Въ это время на Димитрія ополчились два князя: Даніилъ Александровичъ московскій, Святославъ Ярославичъ тверской и новгородцы. Битвы не было, но союзъ доказалъ, что въ русской землѣ есть князья, которые недовольны Димитріемъ.

Андрей пришелъ изъ татарской орды опять съ войсками. Тогда Димитрій удалился къ ногаямъ. Это были тоже татары, но не въ Золотой ордѣ, а на югѣ Россіи. Ханъ ихъ Ногай былъ во враждѣ съ ханомъ Золотой или Сарайской орды. Онъ принялъ Димитрія и далъ ему войска на Андрея. Андрей ему уступилъ и согласился на миръ. Димитрій получилъ Владиміръ и Новгородъ. Восчувствовавъ силу и понявъ свое торжество, Димитрій сталъ мстить боярамъ Андрея и князьямъ, которые были противъ него. Онъ напалъ на

---

[1]) Кар. IV, гл. 5.

тверского князя. Тогда братъ его Андрей городецкій, Ѳеодоръ Ростиславичъ ярославскій, Димитрій ростовскій съ сыномъ и братомъ своимъ Константиномъ, Михаилъ Глѣбовичъ бѣлозерскій отправились въ орду жаловаться на Димитрія хану. Ханомъ въ ордѣ тогда былъ уже Тохта (Токтай), сынъ Менгу-Темира. Тохта послалъ войска на Димитрія, и Димитрій снова бѣжалъ. Татары разорили Владиміръ и опустошили всю землю. Они хотѣли идти даже къ Пскову и Новгороду, но новгородцы догадались послать предводителю татарскому (Дуденю) дары, и татары ушли въ свои степи. Андрей городецкій взялъ себѣ Владиміръ и Новгородъ, а Ѳеодоръ Ростиславичъ получилъ Переяславль. Тогда Димитрій сталъ просить мира у младшаго брата, уступалъ ему великокняжескій столъ и г. Владиміръ, а самъ желалъ получить Переяславль. Андрей согласился на миръ. Переяславль былъ взятъ у Ѳеодора и отданъ Димитрію. Вышло въ концѣ концовъ то, что Ѳеодоръ Ростиславичъ, принимавшій продолжительное участіе въ борьбѣ братьевъ Димитрія и Андрея Александровичей, не получилъ ничего и ушелъ въ свое ярославское княжество. Очевидно, что онъ вступалъ въ эту борьбу не изъ-за выгодъ, а за идею удѣльныхъ князей, которымъ время грозило потерей владѣній, утвержденныхъ за ними обычаемъ.

Въ 1278 году умеръ братъ Ѳеодора Ростиславича Глѣбъ, а въ 1279 году и другой его братъ Михаилъ смоленскіе. Прямымъ и самымъ законнымъ наслѣдникомъ смоленскихъ владѣній былъ младшій братъ ихъ Ѳеодоръ Ростиславичъ. Онъ присоединилъ смоленское княжество къ ярославскому княжеству, какъ наслѣдіе отца своего [1]). Но лѣтописи говорятъ, что Ѳеодоръ Ростиславичъ въ 1298 году ратью ходилъ на Смоленскъ [2]), «на сыновца» своего (племянника) Александра Глѣбовича и, «бився по многи дни у города, не

[1]) Пол. Собр. рус. лѣт. VII, 141.

[2]) Тамъ же, I, 228.

взя его; бѣ бо вельми крѣпокъ, и возвратися въ Ярославль» [1]). И этотъ воинскій походъ Ѳеодора Ростиславича былъ чуждъ захватовъ корыстныхъ. Какъ видится, онъ вызванъ былъ тѣмъ, что племянникъ его Александръ Глѣбовичъ не захотѣлъ долѣе жить «подъ дядей» своимъ и захватилъ г. Смоленскъ, не имѣвши на то законнаго права. Ясно, что Ѳеодоръ Ростиславичъ не захотѣлъ допустить незаконныхъ захватовъ и поднялъ оружіе. Бился онъ много, но городъ былъ крѣпокъ и взять его ему не пришлось. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ, что онъ и въ слѣдующемъ (1299 году) ходилъ ратью къ Смоленску, но, «не успѣвъ ничто же, возвратися» [2]). Но трудно признать этотъ походъ. Положимъ, годъ тогда начинался съ 1 марта,—значитъ, для совершенія похода было около семи мѣсяцевъ, но Ѳеодоръ Ростиславичъ предъ смертію въ «старости маститой» былъ боленъ такъ что едва ли совершилъ военный походъ. [3])

Вотъ обстоятельства времени, въ которое жилъ благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ Черный, вотъ его нравственныя качества и вотъ воинская дѣятельность, на которую вызывало его удѣльное время и татарское иго.

Но слава Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича не въ однихъ воинскихъ подвигахъ, не въ одномъ умѣньи направлять мечъ на врага такъ, чтобы онъ былъ внушителенъ

---

1) Тамъ же, VII, 182.

2) Тамъ же, I, 208.

3) Только въ одной изъ лѣтописей бросается нѣкоторая тѣнь на добрую и великодушную личность благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича Чернаго. Въ ней говорится, что онъ въ 1295 году „пожже Переяславль“. Соловьевъ въ Исторіи Россіи прилагаетъ это выраженіе лѣтописи къ тому времени когда Ѳеодоръ Ростиславичъ долженъ былъ возвратить князю Димитрію Александровичу только-что полученный имъ Переяславль. Онъ говоритъ, что Ѳеодоръ Ростиславичъ „пожегъ“ его съ досады на то, что онъ не остался за нимъ и что ему изъ похода пришлось возвратиться ни съ чѣмъ. Но это мѣсто такое неопредѣленное, что останавливаться на немъ своимъ вниманіемъ нѣтъ особенной надобности. Зачѣмъ князю Ѳеодору было жечь Переяславль въ 1295 году, когда князь Димитрій, которому отданъ былъ Переяславль, умеръ еще въ 1294 году? Значитъ, одно изъ двухъ: или лѣтопись неточно знаетъ это обстоятельство, или его вовсе не было.

и поучителенъ. Слава его въ заслугахъ предъ Богомъ и святою православною церковію; слава его предъ потомствомъ, умѣющимъ изъ высокой и теплой души его, изъ возвышенныхъ взглядовъ извлекать для себя назиданіе.

Здѣсь предъ нами выступаетъ прежде всего обстоятельство, которое Ярославль знаетъ, помнитъ и цѣнитъ, какъ особенный Божій даръ для него. Это бракъ Ѳеодора Ростиславича съ дочерью татарскаго хана. Лѣтописи о немъ не говорятъ ничего, но мѣстное преданіе живо хранитъ его въ своей памяти отъ древности очень глубокой; кромѣ того, письменнымъ источникомъ для него служитъ древнее рукописное житіе благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича. На этихъ основаніяхъ мы считаемъ это обстоятельство историческимъ фактомъ. Разскажемъ его, какъ оно описано въ томъ житіи.

«Нѣкогда паки идоша россійстіи князи во орду къ царю Менгутемиру съ дары своими»... Такъ начинается разсказъ объ этомъ въ помянутомъ житіи Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича. Съ ними пошелъ и ярославскій князь Ѳеодоръ Ростиславичъ. Татарскій ханъ, видя «святолѣпное благородіе лица его, мужество же и храбрость», задержалъ его у себя. Жена хана также полюбила его. «И уязвися сердце ея, еже любити его, яко египтяныни Іосифа». Самъ ханъ былъ такъ къ нему расположенъ, что велѣлъ ему всегда предстоять предъ собою «и чашу отъ руку его пріимаше» и въ такомъ почетѣ держалъ его у себя въ ордѣ «многое время». Благовѣрный князь Ѳеодоръ не поддался соблазну жены и не увлекся честію хана. Тогда жена хана вздумала отдать за него свою дочь; но Ѳеодоръ Ростиславичъ объяснилъ, что у него есть жена въ Ярославлѣ, Марія Васильевна. Онъ сталъ просить какъ самого хана, такъ и вельможъ его, чтобы дано было ему разрѣшеніе возвратиться въ свой Ярославль. Ханъ согласился и отпустилъ его «съ великою честію» и «многими дары одари его».

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Благовѣрный князь Ѳеодоръ отправился, но дорогой ему донесли, что княгиня его Марія Васильевна безъ него умерла. Въ тревогѣ и горѣ онъ подошелъ къ Ярославлю, но оказалось, что бояре ярославскіе заперли предъ нимъ городскія ворота и объявили, что у нихъ есть уже князь, сынъ его Михаилъ. Но Михаилъ былъ еще малъ, и все это возмущеніе устроила теща его, княгиня Ксенія, которая, безъ сомнѣнія, думала, за малолѣтствомъ Михаила, сама править дѣлами ярославскаго княжества. Такими интригами оскорбленіе наносилось тяжелое, но Ѳеодоръ Ростиславичъ только «пожалѣлъ» Ярославль. Онъ возвратился въ орду и сталъ просить хана, чтобы онъ взялъ Ярославль подъ свое покровительство и послалъ туда своихъ надежныхъ вельможъ. Ханъ послалъ въ Ярославль посла съ приказаніемъ, чтобы ярославцы пустили въ свой градъ Ѳеодора Ростиславича. Посолъ объявилъ ханское требованіе, но ярославцы и его не послушали и «только нелѣпая словеса глаголаше ему со стѣны». Между тѣмъ жена хана стала упрашивать мужа, чтобы онъ выдалъ свою дочь за Ѳеодора. Ханъ сначала находилъ препятствіе въ томъ, что Ѳеодоръ Ростиславичъ не болѣе, какъ «служебникъ и услужникъ его» и что онъ «не единовѣренъ съ нимъ по закону», но потомъ, когда жена хана объяснила, что у нея давнишнее желаніе видѣть свою дочь христіанкою, согласился и ханъ. Ханъ предложилъ Ѳеодору Ростиславичу, чтобы онъ вступилъ въ бракъ съ его дочерью, но Ѳеодоръ объяснилъ, что онъ не можетъ взять за себя жену изъ невѣрныхъ; но въ то же время сказалъ: «если дочь твоя приметъ крещеніе, то не отрицаюся пояти ю за себе». Ханъ былъ доволенъ и немедленно отправилъ посланіе къ константинопольскому патріарху, чтобы онъ разрѣшилъ Ѳеодору Ростиславичу вступить въ супружество съ его дочерью, которая приметъ крещеніе. Патріархъ отвѣтилъ благословеніемъ. Дочь хана крестилась и во святомъ крещеніи именована Анною. Бракъ былъ совершонъ по христіанскому

чину. Ханъ послалъ «писанія по всѣмъ градомъ царствія своего и повелѣлъ всѣмъ служащимъ ему царемъ и княземъ и всѣмъ вельможамъ своимъ приносити честная дарованія зятю своему, благовѣрному, великому князю Ѳеодору Ростиславичу и новопросвѣщеннѣй дщери своей, царевнѣ Аннѣ, еже и бысть».

Въ награду отъ себя онъ далъ Ѳеодору Ростиславичу 36 городовъ, напр. Черниговъ, Болгары, Кумане, Корсунь, Туру, Казань, Арексъ, Гормисъ, Балематы и проч. Онъ составилъ для него и особый придворный штатъ изъ бояръ и князей россійскихъ, отдѣлилъ для него и половину своей столицы, «злата же и сребра, и каменія многоцѣннаго многое множество». Затѣмъ возвратился изъ Ярославля ханскій посолъ и расказалъ хану все, какъ ярославцы снова не приняли къ себѣ Ѳеодора Ростиславича; но ханъ теперь уже не думалъ зятя отпускать своего отъ себя, и Ярославль остался безъ наказанія. Ханъ полюбилъ своего новаго зятя и «держалъ его у себе въ любочестіи, повелѣвая ему всегда сидѣти противу себе и царскій свой вѣнецъ по вся дни полагаше на главу его и во свою дидрахму (порфиру) облачаше его и прочая царская одѣянія». Затѣмъ онъ построилъ для него особыя палаты и укра силъ ихъ съ царскою пышностію

Пребываніе Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича въ ордѣ оказалось весьма плодотворнымъ для православной вѣры Христовой. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ и любовію своего новаго тестя, Ѳеодоръ Ростиславичъ построилъ тамъ нѣсколько православныхъ христіанскихъ церквей. Истинною христіанкою стала и супруга его, княгиня Анна. Построеніе церквей несомнѣнно указываетъ на то. что въ ордѣ и христіанъ появилось немало. Они являлись сюда прежде всего, конечно, изъ русскихъ людей, а потомъ по примѣру княгини Анны, безъ сомнѣнія, обращались ко Христу и многіе изъ татаръ, такъ что слава вѣры Христовой въ ордѣ засіяла свѣтло.

Въ ордѣ у Ѳеодора Ростиславича отъ княгини Анны родился сынъ, который во святомъ крещеніи названъ Давидомъ, а потомъ другой сынъ, который названъ Константиномъ.

Долго ли Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ пребывалъ въ ордѣ хана, опредѣленно не сказано; но говорится, что «вѣстницы съ Россіи пріидоша къ нему, повѣдающе сына его Михаила въ градѣ Ярославлѣ преставльшася». Это извѣстіе опечалило князя Ѳеодора, и онъ сталъ молить хана, чтобы онъ отпустилъ его изъ орды въ Ярославль на княженіе «съ супругою и чады». Ханъ согласился и отпустилъ его «съ великою честію. И царскій свой вѣнецъ возложи на главу его, и великимъ княженіемъ ярославскимъ почте его». Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ явился въ Ярославль «во славѣ велицѣ». Съ нимъ пришло въ Ярославль много татаръ, которые, по повелѣнію хана, отомстили за нанесенныя Ѳеодору Ростиславичу въ прежнее время обиды. Послѣ того Благовѣрный и великій князь Ѳеодоръ Ростиславичъ отпустилъ татаръ и сталъ жить въ Ярославлѣ. Какъ самъ онъ, такъ и супруга его, княгиня Анна, отличались благочестивою жизнію: часто ходили въ Божіи храмы на молитву, особенно въ храмъ Преображенія Господня, который былъ построенъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1218 году въ Спасопреображенской обители. Княгиня Анна построила невдалекѣ отъ этой обители храмъ во имя архангела Михаила, который назывался соборомъ. Въ новосозданный храмъ она поставила «чудно украшенную златомъ и сребромъ и каменіемъ честнымъ» икону Богоматери. Она же воздвигла въ Ярославлѣ «многіе и иные храмы». Въ храмѣ архистратига Михаила былъ поставленъ соборный причтъ изъ протоіерея, іереевъ и діаконовъ [1]).

Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ по возвра-

---

[1]) Рукоп. Спас. монастыря, № 59—46.

щеніи въ Ярославль «поживе нѣколико лѣтъ и достиже старости маститы».

Вотъ какъ разсказывается въ житіи Ѳеодора Ростиславича о бракѣ его съ дочерью хана, княгинею Анной.

Кто былъ тотъ ханъ, который такъ полюбилъ благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича, что согласился выдать за него свою дочь и дозволилъ дочери, ради его, принять христіанство,—историческія свѣдѣнія расходятся между собою. Въ рукописномъ житіи этотъ ханъ называется Менгу-Темиромъ. За этимъ древнимъ источникомъ такъ же называютъ этого хана митр. Макарій, Соловьевъ и др. Но Карамзинъ называетъ его Ногаемъ. Есть послѣдователи и на его сторонѣ. Первое основаніе, по которому Карамзинъ и послѣдователи его называютъ Ногая, заключается въ томъ, что ханъ Ногай былъ самъ женатъ на дочери греческаго императора Михаила Палеолога Евфросиніи, а потому естественно предполагать, что она, какъ христіанка, и настояла на томъ, чтобы дочь была выдана въ замужество за христіанскаго князя и сама приняла вѣру Христову. Какъ женатый на христіанкѣ, и самъ ханъ могъ легко согласиться на то, чтобы дочь ихъ крестилась. Вторымъ основаніемъ для Карамзина и послѣдователей его въ этомъ вопросѣ можетъ быть то, что въ самомъ житіи говорится, что бракъ Ѳеодора Ростиславича на царевнѣ Аннѣ былъ послѣ 1294 года, когда хана Менгу-Темира въ живыхъ уже не было. Стало-быть древнее житіе Ѳеодора Ростиславича въ этомъ вопросѣ противорѣчитъ само себѣ. Но мы назвать Ногая тестемъ Ѳеодора Ростиславича рѣшиться не можемъ. Прежде всего здѣсь намъ препятствуетъ то, что ханъ Ногай былъ ханомъ не Золотой или Кипчакской орды, отъ которой зависѣла порабощенная Русь, а орды южной, которую образовалъ Ногай и которая отъ его имени стала называться ордою ногайскою. Этотъ Ногай былъ потомокъ Джучіева рода; при ханѣ Берге онъ состоялъ полководцемъ въ ордѣ Золотой, а потомъ

ушелъ отъ нея и образовалъ свою орду, которая раскинулась въ степяхъ Чернаго моря [1]). Этотъ ханъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ ханамъ Золотой орды. Если допустить, что Ѳеодоръ Ростиславичъ женился у Ногая, въ ногайской ордѣ, то спрашивается, зачѣмъ онъ туда ходилъ, съ какими дарами, когда отъ него не зависѣлъ? Да и какъ онъ могъ рѣшиться вступить въ брачное родство съ такимъ ханомъ, который былъ врагомъ его повелителю? Второе: говорится, что ханъ, сдѣлавшись тестемъ Ѳеодора Ростиславича, далъ ему въ награду болѣе 30 городовъ, между которыми были Казань, Черниговъ и проч. Эти города не зависѣли отъ ногайскаго хана. Думается, что этихъ двухъ основаній будетъ достаточно для того, чтобы не называть Ногая тестемъ Ѳеодора Ростиславича. Тестемъ Ѳеодора Ростиславича натуральнѣе будетъ назвать хана Золотой орды, но только какого?

Ханы Золотой или Кипчакской орды были слѣдующіе: Батый, умершій въ 1255 году, сынъ его Сартакъ, умершій въ 1257 году, Берге, братъ Батыя, умершій въ 1266 году, Менгу-Темиръ, умершій въ 1281 году, Тудай-Менгу, свергнутый съ престола около 1292 года, Тохта (Токтай), который умеръ въ 1313 году, уже послѣ смерти Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича, а затѣмъ на престолъ вступилъ Узбекъ. Если положиться на хронологію древняго житія, то годъ брака падаетъ на царствованіе Тохты, но тогда Ѳеодоръ Ростиславичъ былъ уже старъ и у него не могло родиться двухъ сыновей въ ордѣ, Давида и Константина, такъ какъ жизнь Ѳеодора Ростиславича совпадаетъ съ царствованіемъ Тохты только всего на два года. Если, допустивъ ошибку въ имени хана Менгу-Темира, отнести время брака на царевнѣ Аннѣ къ царствованію Тудай-Менгу, который царствовалъ около двухъ только лѣтъ, то времени

---

[1]) Соловьевъ Ист. Россіи I, 879.

для сближенія хана съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ, брака и рожденія въ ордѣ двухъ сыновей при немъ будетъ мало. Если перенести на время царствованія хана Берге, то опять согласиться будетъ нельзя, потому что этотъ ханъ умеръ въ 1266 году, а Ѳеодоръ Ростиславичъ только въ 1259 году вступилъ въ первый бракъ съ Маріею Васильевною, отъ которой былъ сынъ Михаилъ и ранѣе его еще двѣ дочери. Итакъ остается возможнымъ признать только одно,—что бракъ Ѳеодора Ростиславича былъ съ дочерью хана Менгу-Темира, какъ и говоритъ древнее рукописное житіе Ѳеодора Ростиславича. Только въ означеніи года мы должны будемъ признать невѣрность, которая, конечно, была для составителя возможна, потому что житіе писалось 200 лѣтъ спустя послѣ кончины Благовѣрнаго князя.

Но могъ ли Менгу-Темиръ согласиться на то, чтобы дочь его сдѣлалась христіанкою? Возможность предполагать это есть. Къ этому приводитъ насъ прежде всего ханскій ярлыкъ Менгу-Темира, данный духовенству для облегченія его положенія. Ярлыкъ доказываетъ, что онъ уважалъ русское духовенство. Слѣдовательно не враждебенъ былъ вѣрѣ Христовой. Въ этомъ ярлыкѣ дѣлается распоряженіе, чтобы баскаки, князья, даньщики и всякаго рода татарскіе чиновники знали, что ханъ даетъ жалованныя грамоты русскимъ митрополитамъ и всему духовенству, бѣлому и черному, дабы они «правымъ сердцемъ и безъ печали молили за него Бога и за все его племя и благословляли ихъ». «Ненадобна съ нихъ, говорится въ ярлыкѣ, ни дань, ни тамга, ни поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ; ненадобна съ нихъ никакая пошлина ни ханская, ни ханшина, ни князей, ни рядцевъ, ни дороги, ни посла и никоторыхъ пошлинниковъ никакія доходы; никто не смѣетъ занимать церковныхъ земель, водъ, огородовъ, виноградниковъ, мельницъ, зимовищъ и лѣтовищъ; никто не смѣетъ брать на работу или на сторожу церковныхъ людей: мастеровъ, сокольни-

ковъ, пардусниковъ: никто не смѣетъ взять, изодрать, испортить иконъ, книгъ и никакихъ другихъ богослужебныхъ вещей, чтобы духовные не проклинали хана, но въ покоѣ за него молились; кто вѣру ихъ похулитъ, наругается надъ нею, тотъ безъ всякаго извиненія умретъ злою смертію». Этотъ ярлыкъ хана дышетъ вѣротерпимостью и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность понять убѣжденіе хана въ томъ, что Богъ христіанскій есть тоже Богъ милующій и помогающій человѣку, что молитвы христіанскаго духовенства могутъ быть дѣйствительны, если будутъ приноситься и за него, и за потомство его, а потому отвращаться отъ Него не слѣдуетъ. Отъ такого взгляда и убѣжденія совсѣмъ недалекъ переходъ и къ тому, чтобы не возбранять или, по крайней мѣрѣ, терпѣть христіанство, даже въ своей семьѣ. Особенно легко представить, что при такомъ убѣжденіи Менгу-Темиръ могъ дозволить своей дочери принять христіанство, когда эта вѣра становилась условіемъ, необходимымъ для брака ея съ человѣкомъ, который хану и ханшѣ очень понравился.

Итакъ нужно полагать, что Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ женился на дочери не Ногая, а Менгу-Темира.

Теперь, для окончательнаго рѣшенія вопроса намъ представляется только еще одно затрудненіе. Если Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ женился на дочери Менгу-Темира и если годъ рукописнаго житія невѣренъ, то когда же совершился этотъ бракъ?

Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ даннымъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе прочные устои. Такъ, бракъ Ѳеодора Ростиславича съ княгинею Анною совершился тогда, когда, по смерти Маріи Васильевны, на ярославскій престолъ вступилъ малолѣтній сынъ ея Михаилъ. Ярославцы не приняли къ себѣ Ѳеодора Ростиславича, потому что теща его Ксенія желала править въ Ярославлѣ дѣлами за малолѣтняго внука своего и, безъ сомнѣнія, желала править по возмож-

ности болѣе или менѣе долгое время. Значитъ, Михаилу было лѣтъ очень немного. До рожденія Михаила у Ѳеодора Ростиславича отъ Маріи Васильевны были двѣ дочери, и одна изъ нихъ, положимъ старшая, въ 1278 году была выдана за Михаила Глѣбовича [1]). Если ей было лѣтъ 13, то значитъ она родилась въ 1265 году, а Михаилъ, слѣдовательно, позднѣе того. Если же это была вторая дочь, то Михаилъ родился приблизительно около 1269 года. При этомъ не опустимъ изъ вниманія и того, что Михаилъ называется не «младенцемъ, ссущимъ млеко», или какъ-нибудь такъ въ этомъ родѣ, а просто «малолѣтнимъ» [2]), т. е. неспособнымъ къ дѣламъ управленія. Такимъ образомъ годъ брака Ѳеодора Ростиславича, во всякомъ случаѣ, падаетъ на семидесятые годы XIII вѣка. Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на поводъ къ этому необыкновенному браку, браку ханскаго «услужника» и «служебника» съ дочерью хана.

Въ древнемъ рукописномъ житіи говорится, что Ѳеодоръ Ростиславичъ вмѣстѣ съ другими россійскими князьями пришелъ въ орду «съ дары». Хану и ханшѣ очень понравилось «святолѣпное благородіе лица его, мужество же и храбрость», и ханъ не захотѣлъ отпустить его отъ себя. Въ томъ невѣроятнаго нѣтъ, что ханъ и ханша, принявшіе дары отъ Ѳеодора Ростиславича, полюбили его съ перваго раза, по «святолѣпному» виду его; но послѣднія слова «мужество же и храбрость» простираютъ мысль дальше и глубже. Не извѣстна ли была хану эта храбрость, это мужество благовѣрнаго ярославскаго князя Ѳеодора Ростиславича ранѣе? Не засвидѣтельствовалъ ли онъ когда предъ ханомъ эти свои достоинства на дѣлѣ?

---

[1]) Вѣнчаніе было въ Ярославлѣ, въ церкви Пресв. Богородицы (въ Успенскомъ соборѣ). Таинство брака совершалъ ростовскій епископъ Игнатій (Кар. И. Р. Г. прим. 158).

[2]) Въ рукописномъ житіи сказано: „младу сущу“. (Рукоп. Спасск. монастыря № 59—46).

Въ ряду воинскихъ подвиговъ Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича мы видимъ удачные походы его, по волѣ хана Менгу-Темира, на ясовъ и болгаръ. Эти подвиги мужества и храбрости хану были пріятны, и онъ наградилъ за нихъ богато русскихъ князей, въ числѣ которыхъ Ѳеодоръ Ростиславичъ ярославскій имѣлъ видное мѣсто. Не здѣсь ли, поэтому, ханъ усмотрѣлъ храбрость и мужество Ѳеодора Ростиславича?.. Весьма вѣроятно.

Но, склоняясь на это, мы необходимо должны будемъ опять нѣсколько отступить отъ буквы древняго рукописнаго житія Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича, но такъ, чтобы всѣ обстоятельства между собою были согласны. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ и болѣе правдоподобнымъ думать, что Ѳеодоръ Ростиславичъ, представлявшійся хану послѣ похода на ясовъ и получившій отъ хана богатые дары въ 1277 году, являлся или вызванъ былъ къ хану и послѣ похода своего на болгаръ въ 1278 году. Могъ онъ явиться и съ дарами, а могъ быть вызванъ и за дарами. (Черезъ 200 лѣтъ послѣ кончины Ѳеодора Ростиславича такую неточность жизнеписателю допустить было очень легко и возможно.) Такъ какъ удачный походъ на болгаръ былъ уже второй подвигъ Ѳеодора Ростиславича, хану пріятный, то неудивительно, что ханъ встрѣтилъ его отмѣнною милостію и задержалъ его у себя, а потомъ предложилъ ему въ супружество свою дочь. Въ житіи нѣтъ прямого указанія на то, сколько времени жилъ въ ордѣ Ѳеодоръ Ростиславичъ; есть указаніе только на то, что Ѳеодоръ Ростиславичъ желалъ скорѣе возвратиться въ свой Ярославль и просился то у самого хана, то черезъ слугъ его; но это онъ могъ дѣлать и черезъ мѣсяцъ, и черезъ два. Особенно могла заставлять его спѣшить изъ орды любовь ханши и честь, которую ему оказывалъ ханъ,—честь, которой, по богобоязненной натурѣ своей, онъ не любилъ. Слѣдовательно онъ могъ выѣхать изъ орды въ томъ же 1278 году и въ томъ

же году вернуться въ орду, когда въ Ярославлѣ не приняли его. Бракъ съ княгиней Анной совершился вскорѣ послѣ возвращенія его отъ Ярославля, такъ что еще не успѣлъ возвратиться изъ Ярославля ханскій посолъ. Такимъ образомъ бракъ Ѳеодора Ростиславича съ княгинею Анною былъ не позже 1279 года, а въ ордѣ послѣ брака онъ могъ жить не болѣе трехъ лѣтъ, въ которые у него родились два сына—Давидъ и Константинъ. Выѣхалъ онъ въ Ярославль, по смерти сына своего Михаила, должно-быть, предъ самою смертію Менгу-Темира, въ 1281 году, когда Константинъ былъ еще малымъ младенцемъ. Во всякомъ случаѣ такое вычисленіе даетъ надлежащее мѣсто всѣмъ обстоятельствамъ и не стоитъ въ противорѣчіяхъ съ источниками.

Изъ всего выходитъ, что Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ съ первою своею супругою, Маріею Васильевною, въ супружествѣ находился 20 лѣтъ и овдовѣлъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ, а потомъ и со второю супругою, дочерью хана Золотой орды Менгу-Темира, княгинею Анною, жилъ также 20 лѣтъ.

При такомъ взглядѣ на дѣло вполнѣ понятно будетъ и то, что Благовѣрному князя Ѳеодору Ростиславичу въ политическихъ дѣлахъ не привелось играть важной или видной роли, какъ любимому ханскому зятю. Какъ покрытый любовію хана-тестя своего, какъ облеченный безграничнымъ довѣріемъ своего повелителя, Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ могъ быть рѣшителемъ судебъ въ русской землѣ; во всякомъ случаѣ о немъ бы такъ говорили, на него бы такъ и смотрѣли. Но этого мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Упоминая о походѣ на ясовъ, лѣтописи говорятъ только, что «ходиша на ясы», при чемъ Ѳеодоръ ярославскій упоминается только именемъ, а почему? Безъ сомнѣнія потому,

---

[1]) Примемъ во вниманіе, что походъ на болгаръ былъ въ октябрѣ, отъ 11 числа (Карамз., т. IV, гл. 5).

что онъ еще не былъ ханскимъ зятемъ. Не является особенно авторитетнымъ рѣшителемъ онъ и въ борьбѣ сыновей Александра Ярославича Невскаго и опять, конечно, потому, что Менгу-Темиръ уже умеръ, а о продолженіи связей съ ханскимъ дворомъ онъ не заботился. Призваніемъ его была правдивая и благочестивая жизнь. Вотъ свѣтъ, которымъ свѣтятъ православному русскому міру и святыя мощи его.

Достигнувъ «старости ..маститой», благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ скончался въ Ярославлѣ. Всѣ источники называютъ днемъ кончины его 19 сентября 1299 года [1]). Съ особенною обстоятельностію и наглядностію передаетъ намъ объ этомъ рукописное древнее житіе, какъ мѣстно записанный источникъ исторіи. Хотя это житіе, какъ мы не разъ говорили, написано 200 лѣтъ спустя послѣ кончины благовѣрнаго князя Ѳеодора, но мы въ этомъ пунктѣ особенно полагаемся на достовѣрность его. Пріятныя и дорогія воспоминанія русскій народъ любитъ и хранить ихъ умѣетъ и въ настоящее время, а въ древности онъ умѣлъ хранить еще лучше, такъ какъ письменное дѣло тогда было развито много слабѣе, чѣмъ нынѣ, а цѣльность чувства была тогда гораздо полнѣе.

Согласно житію благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича, онъ княжилъ въ Ярославлѣ 40 лѣтъ. Въ годы мужества онъ обладалъ хорошимъ здоровьемъ; но правительственныя заботы и разныя нравственныя тревоги того тяжелаго времени сказались подъ старость слабостью силъ. И вотъ, слабость силъ и болѣзни привели его къ мысли, которой вообще держались наши благочестивые предки. Онъ рѣшилъ снять съ себя княжескую порфиру и надѣть мантію инока [2]).

Составитель житія святаго и Благовѣрнаго князя Ѳеодора

---

1) Рук. житіе князя Ѳеодора, № 59—49 и 47; Троиц. лѣт. въ Пол. С. Р. Лѣт., I, 228; Новг. 4-я, IV, 46; Воскр., т. VII, 226.

2) Воскр. лѣт. П. С. Р. Л. VII, 182.

Ростиславича, конечно, хорошо понимавшій воззрѣнія и духъ того времени, говоря о намѣреніи Ѳеодора Ростиславича постричься въ монашество, выражается такъ: «и вспомянухъ реченное Господомъ во святомъ Евангеліи: аще кто оставитъ отца или матерь, или домъ, или братію, или сестры, или жену, или чада, или села имене Моего ради, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ (Мѳ. XIX, 29); всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего мнѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ (Лк. XIV, 33),—восхотѣ облещися въ монашескій образъ ангелоподобнаго чина». Хотѣніе святаго было рѣшеніемъ твердымъ. И вотъ умилительная и назидательная картина: «И призва,—говорится въ житіи,—благородную свою княгиню Анну и благородныя сыны своя, Давида и Константина, глаголетъ къ нимъ: Возлюбленніи! разсмотрѣхъ, яко постиже мя старость и впадохъ въ частыя различныя болѣзни, ими же нынѣ содержимъ есмь человѣколюбнѣ, отъ Бога наказуемъ грѣхъ моихъ ради, и уразумѣхъ помышленіемъ моимъ, яко ничто же иное возвѣщаетъ ми сіе, точію смерть».

Не одинъ изъ древнихъ князей русской земли размышлялъ точно такъ же о концѣ своей жизни. Земныя блага, земная власть, земная честь и слава предъ вопросомъ о концѣ жизни теряли у нихъ весь свой блескъ, все свое величіе, всю свою прелесть, и наши древніе князья приходили къ мысли, что предъ Господомъ Богомъ равны и цари, и рабы, что нелицепріятный Судія взвѣситъ дѣла всѣхъ и каждаго вѣсами безконечной Правды Своей и воздастъ каждому то, чего они стоятъ. Въ такихъ глубокихъ и конечныхъ созерцаніяхъ наши древніе благочестивые князья отрекались отъ міра, какъ суетного, отрекались отъ всего, что прежде ихъ утѣшало, и принимали монашество въ чаяніи милосердія и оправданія Божія на всеправедномъ и всеобщемъ Судѣ. То же самое воззрѣніе мы слышимъ и въ словахъ Благовѣрнаго и святаго князя Ѳеодора Ростисла-

вича: «Разсмотрѣхъ и уразумѣхъ помышленіемъ моимъ, яко болѣзни возвѣщаютъ ми точію смерть».

Если дѣйствительно болѣзнь предсмертная, если силы ослабѣли, то чего желать, какъ не покаянія, чего ожидать, какъ не Суда Божія надъ дѣлами своими, надъ своими мыслями, надъ своими чувствами, желаніями и побужденіями, надъ своею жизнію, которая пришла, видимо, къ своему концу? Чему радоваться, какъ не тому одному, что Господь до послѣднихъ минутъ сохранилъ тебѣ ясное сознаніе, которое позволяетъ отъ глубины души, съ чистымъ сердцемъ принести покаяніе и осужденіе своихъ грѣховныхъ поползновеній? И чѣмъ засвидѣтельствовать и предъ собой, и предъ людьми, и предъ Богомъ свою благодарность за это, какъ не подвигомъ благочестія? Подвиговъ много, но наши древніе благочестивые предки избирали для себя обыкновенно болѣе тяжкій,— подвигъ монашества, или подвигъ самоотреченія.

Но ясное, здравое сознаніе человѣка, жившаго помышленіемъ о Богѣ и добрѣ, человѣка, оставляющаго міръ, не можетъ конечно оставить этотъ міръ безъ завѣта, въ которомъ выразилась бы идея жизни его, его жизненный принципъ. Какой завѣтъ, какую жизненную идею носилъ въ себѣ святый и Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, это можемъ мы ясно видѣть въ его завѣщанія. «Ты, возлюбленная моя сожительница, буди чадомъ своимъ отецъ и мати, наказующи ихъ и укрѣпляющи въ заповѣдяхъ Господнихъ, послушливымъ быти и страхъ Божій присно въ сердцѣ своемъ имѣти и любовь ко всему нелицемѣрну». Это говоритъ онъ супругѣ своей, княгинѣ Аннѣ, которую оставляетъ въ семействѣ вмѣсто себя. «Вы же, благороднiи сынове мои, плодъ чрева моего, Бога бойтеся и страхъ Его имѣйте предъ очима вашима выну, и святыхъ церквей не отлучайтеся; святители же о весь освященный монашескій чинъ чтите и любите и поученію Святыхъ Писаній внимайте и творите, старѣйшихъ чтите и межъ себе въ мирѣ жительствуйте; чуж-

даго же стяжанія похитити не желайте, убогихъ милуйте, безпомощнымъ помогайте, матери своей достойную честь воздавайте. Да аще послушаете мене, будете долголѣтни на земли и цартвія небеснаго сподобитеся».

Наша русская православная древность какъ думала, такъ и говорила, какъ говорила, такъ и жила, чѣмъ жила, то и завѣщала. И въ мысляхъ, и въ жизни у древняго православно-благочестиваго человѣка была всегда на первомъ планѣ религія—Богъ и вѣра въ Него, а потому и завѣщаніе Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича дѣтямъ своимъ устремлено прежде всего на то, чтобы они постоянно имѣли въ своемъ сердцѣ страхъ Божій, чтобы ближе стояли къ церкви и всему освященному, чтобы чтили священниковъ и поучались Священному Писанію. Главнѣйшими правилами нравственной жизни ставилось почитаніе родителей и уваженіе старшихъ, миръ между собою, милосердіе къ убогимъ и благотворительность къ бѣднымъ. За правильную богобоязненную жизнь обѣщаются дѣтямъ-князьямъ всѣ блага, какими дорожило то удѣльное время. «И умножится слава дому вашего, и врази падутъ подъ ногами вашими, и иноплеменницы побѣгутъ отъ лица вашего, и облегчится тяжесть земли вашея, и умножатся нивы ваша обиліемъ» и проч.

То же, по существу дѣла, говорилъ въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ и Ярославъ I Мудрый, то же повторяли за нимъ и другіе древнерусскіе наши князья; но у каждаго изъ нихъ было слово свое задушевное, а не слѣпое подражаніе какому-нибудь одному образцу. Если видится близкое сходство одного слова съ другимъ, то это потому, что у всѣхъ въ древности благочестивыхъ людей правила жизни были одни и обязательную силу имъ давала крѣпкая вѣра въ Божіе слово, изъ котораго они извлекались.

Другая картина, картина постриженія святаго и Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича въ иночество невольно

приводитъ въ душевное умиленіе всякаго. Писатель житія передаетъ ее такъ:

«Сентября въ 18 день, въ пятокъ, въ 3-й часъ дня соборныя церкви Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, начаша клепати во вся тягчайшія кампаны. И стечеся весь градъ на княжъ дворъ, отъ мала и до велика, мужскій полъ и женскій, даже до ссущихъ младенцевъ. И повелѣ себе князь вести въ монастырь Боголѣпнаго Преображенія Господа нашего Іисуса Христа. Егда же понесоша его сквозе градъ, и бысть во всемъ народѣ плачъ неутѣшимъ»... И что это за плачъ? Что за неутѣшныя слезы, которыя у гражданъ вызвались звуками тягчайшихъ кампановъ ярославскія церкви славнаго Успенія Божіей Матери?

«Плакахуся, говоритъ житіе, старѣйшины яко наказателя, юноши яко хранителя и наставника и буести воздержателя, вдовицы яко заступника, нищіи успокоеніе, — и вси рыдаху, яко представителя своего оставляющеся и хранителя»...

Провожать дорогого человѣка во гробъ грустно, горько и тяжко, потому что въ этомъ случаѣ смерть отрѣзываетъ жизнь отъ жизни страшною и безпощадною своею косою, отрѣзываетъ совершенно, такъ что уже не поглядишь, не обымешь, не побесѣдуешь, не послушаешь, а потому въ этомъ случаѣ скорбь объ утратѣ дорогого лица...—и слеза эта горька. Здѣсь фактъ другой. Дорогой человѣкъ живъ; его несутъ черезъ городъ въ Божій храмъ, въ монастырь. Онъ свободно восхотѣлъ оставить міръ съ его красотами и прелестями, онъ восхотѣлъ оставить свою власть надъ народомъ и княжествомъ; онъ свободно восхотѣлъ отрещись отъ всякой славы и почестей; онъ свободно восхотѣлъ воспринять ангельскій образъ, монашество. И его отсѣкаетъ отъ міра людей, но не смерть, а свободная воля. Онъ самъ восхотѣлъ удалиться отъ міра людей, онъ самъ восхотѣлъ выйти изъ княжескихъ чертоговъ своихъ и заключиться въ

тихую, скромную, уединенную келлію. Онъ оставляетъ міръ, но приближается къ Богу; въ мірѣ, т.-е. въ суетѣ мірской его больше не будетъ, но для міра онъ еще остается, остается для того, чтобы молиться за него и своими молитвами привлекать на него милость и благодать Господа Бога... Жаль съ нимъ разстаться... И вотъ тоже слеза... Жизнеописатель такъ понималъ эту слезу: «Плакахуся старѣйшины яко наказателя, юноши, яко хранителя и наставника и буести воздержателя, вдовицы яко заступника, нищіи успокоеніе и вси рыдаху, яко представителя своего оставляютъ». Такимъ образомъ эта народная слеза прежде всего слеза скорби о себѣ, о томъ, что предстоитъ лишеніе; но въ то же время всякій видѣлъ, что князь оставляетъ міръ и приближается къ Богу. Съ этими новыми мыслями и слеза совершенно иная. Здѣсь слеза умиленія, здѣсь слеза благодарности... Итакъ «рыдаху вси»...

Святый и Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ принесенъ былъ въ Спасопреображенскій монастырь. Его поставили въ притворѣ храма; игуменъ сталъ вопрошать его по чину постриженія въ иноки: «Что пріиде, брате, припадая ко святому жертвеннику и ко святѣй дружинѣ сей?» «Хощеши ли сподобиться ангельскаго образа и вчиненъ быти въ лицѣ монашествующихъ?» и проч. Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, воздѣвъ руки къ небу, отвѣтствовалъ: «Радъ, Владыко мой и Творче, работати Тебѣ всею душею во всей жизни моей»... «Ей, честный отче»...

Послѣ постриженія преподобный Ѳеодоръ весь тотъ день, по обычаю, пробылъ въ келліи игумена, который постригалъ его, «радуясь и благодаря Бога».

Но въ 4-мъ часу по полуночи преподобный почувствовалъ крайнее изнеможеніе силъ и, «уразумѣвъ свое отшествіе къ Богу, пригласилъ игумена и братію и повелѣлъ постриши его въ схиму. И всѣхъ, ту сущихъ, цѣловавъ и отъ всѣхъ прощенія прося, и самъ такожде всѣмъ проще-

ніе дая и миръ, и благословеніе». Затѣмъ, когда во время утрени начали «стихословити Псалтирь», святый Ѳеодоръ пріобщился святыхъ Таинъ Христовыхъ, ознаменовалъ себя крестнымъ знаменіемъ и, «пригнувъ руцѣ къ персемъ, съ миромъ предаде святую свою и непорочную душу въ руцѣ Истиннаго Бога, Его же измлада возлюби».

Отпѣваніе честнаго тѣла его, по обычаю церковному, было совершено въ Преображенской церкви Спасскаго монастыря. Гробъ его, или вѣрнѣе колода, поставленъ былъ подъ сводами Входоіерусалимской церкви. Нижніе своды этого храма находились въ землѣ; поэтому, конечно, гробъ святаго и Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича не былъ опущенъ въ могилу, а поставленъ поверхъ земли.

По смерти святаго и Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича ярославскій княжескій престолъ занялъ старшій сынъ его Давидъ, который скончался въ 1321 году. Второй сынъ его Константинъ умеръ въ юности, много раньше старшаго своего брата. Тѣла чадъ святаго Ѳеодора были положены въ особыхъ колодахъ рядомъ съ блаженнымъ Родителемъ, подъ тѣми же сводами Входоіерусалимской церкви.

Тѣла Благовѣрныхъ князей Ѳеодора и чадъ его Давида и Константина покоились подъ сводами Входоіерусалимскаго храма до 1463 года. Память о благочестивой и добродѣтельной жизни Благовѣрныхъ князей у ярославцевъ хранилась. И вотъ, наконецъ, архимандриту Спасопреображенскаго монастыря Христофору пришла благочестивая мысль погрузить тѣлеса Благовѣрныхъ князей въ могилу, да не останутся они непогребенными, ибо сказалъ Господь человѣку: земля еси и въ землю отыдеши.

Архимандритъ Христоформъ пригласилъ на совѣтъ богобоязненныхъ старцевъ монастыря своего и сообщилъ имъ свою мысль о погребеніи благовѣрныхъ князей. Совѣтъ старцевъ одобрилъ намѣреніе своего настоятеля. Доложено

было ярославскому князю Александру Ѳеодоровичу [1]). Согласился съ архимандритомъ и онъ. Было положено приготовить могилу, устроить надъ ней каменную гробницу и покрыть ее дорогими покровами, предъ гробницей поставить «свѣщи великія». Въ назначенное время ко гробу Благовѣрныхъ князей прибылъ князь, духовенство и множество народа. Это было на второй недѣлѣ Великаго поста. Началось подобающее пѣніе. Въ это время Господь благоволилъ явить Ярославлю Свою неизреченную благость. Онъ благоволилъ прославить святыхъ и благовѣрныхъ князей Ѳеодора и чадъ его Давида и Константина. Во время погребальнаго пѣнія надъ усопшими князьями совершились чудеса. Тогда было положено не опускать гробы въ могилу, а оставить ихъ поверхъ земли. Чудесныя знаменія продолжали совершаться и послѣ; народъ приходилъ ко гробу чудотворцевъ во множествѣ, и многіе удостоивались милости Божіей.

Когда слава о нетлѣніи мощей святыхъ Благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина и чудесахъ, совершающихся при гробѣ ихъ, стала распространяться все болѣе и болѣе, ростовскій архіепископъ Трифонъ, въ епархіи котораго былъ тогда Ярославль, усомнился въ дѣйствительности нетлѣнія св. мощей и чудесъ, совершавшихся отъ нихъ. Чтобы убѣдиться въ истинѣ, онъ послалъ въ Ярославль ростовскаго соборнаго протоіерея Константина узнать дѣло на мѣстѣ. Протоіерей Константинъ также не вѣровалъ въ славу чудесныхъ событій. Онъ былъ человѣкъ горделивый и дерзостный. Явившись въ Спасопреображенскій монастырь, онъ, какъ владычный посолъ, потребовалъ, чтобы къ нему немедленно явился архимандритъ, дабы вмѣстѣ съ нимъ освидѣтельствовать, дѣйствительно ли тѣлеса Благовѣрныхъ князей сохраняются нетлѣнными и узнать, дѣйствительно ли при гробѣ ихъ совершаются чудеса. Архи-

[1]) Рук. Спас. монастыря, № 59—46, л. 98.

мандритъ Христофоръ допустилъ его къ гробу святыхъ чудотворцевъ, но самъ не явился. «Ярася на архимандрита», протоіерей Константинъ подошелъ къ ракѣ святыхъ Благовѣрныхъ князей, открылъ мощи ихъ «и нача дерзостнѣ хватати и въ толико безчеловѣчіе сниде окаянный, яко и аналавъ со святаго порва, помышляя бо, аще возможно, обнаживъ смотрити»... Но что же случилось? «Абіе сила Божія верзе его на землю и бысть нѣмъ и омертве плоть его... И пріяхъ ужасъ всѣхъ, ту бывшихъ, и повѣдаша архимандриту бывшая»...

Архимандритъ Христофоръ поспѣшилъ въ храмъ, началъ пѣть молебенъ, святить воду и кропить протоіерея святою водою. «И едва по многихъ часѣхъ оживѣ плоть его трясашеся»... Придя въ сознаніе, протоіерей Константинъ сталъ горько плакать о своемъ согрѣшеніи и молиться при гробѣ святыхъ чудотворцевъ.

О случившемся посланъ былъ немедленно докладъ архіепископу Трифону. «Слыша сія, архіепископъ Трифонъ, содрогнувъ всѣмъ тѣломъ, и бяше разслабленъ». Сознавши же потомъ свое согрѣшеніе, онъ заключился въ свою уединенную келлію и сталъ молиться Господу Богу и плакать. Потомъ велѣлъ везти себя въ Ярославль, ко гробу святыхъ новоявленныхъ чудотворцевъ. Войдя въ церковь Спасопреображенскаго монастыря, онъ отпѣлъ водосвятный молебенъ, окропилъ себя и всѣхъ предстоявшихъ святою водою, облобызалъ святыя мощи Благовѣрныхъ князей—«и облегчися недугъ его, и бысть здравъ»... Радуясь о прощеніи, онъ роздалъ довольную милостыню бѣднымъ и на строеніе монастыря. Святитель Трифонъ, какъ сохранило преданіе, былъ человѣкъ добродѣтельный, человѣкъ души чистой. Соблазнъ невѣрія коснулся его, какъ соблазнъ чисто-житейскій. Чтобы заслужить всепрощеніе предъ Господомъ Богомъ и святыми чудотворцами, онъ рѣшилъ отказаться отъ архіепископской каѳедры и остался доканчивать дни свои при гробѣ

святыхъ чудотворцевъ, Благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина[1]). Жилъ онъ послѣ того около шести лѣтъ, славя и хваля Бога и Его святыхъ новопрославленныхъ угодниковъ. Онъ умеръ въ 1469 году, 30 декабря и погребенъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ, близъ Преображенской церкви, за алтаремъ, въ часовнѣ.

Гробы Благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина оставлены были и послѣ того поверхъ земли, а потомъ нетлѣнныя мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ были положены въ одну раку и поставлены въ Спасскомъ монастырѣ, въ храмѣ Преображенія Господня[2]). Это совершилось 5 марта.

Чудеса при ракѣ св. благовѣрныхъ князей, ярославскихъ чудотворцевъ, продолжали совершаться. Нѣкоторыя изъ нихъ записаны. Такихъ записанныхъ чудесъ мы имѣемъ 25.

Первое чудо совершилось надъ нѣкіимъ іереемъ соборныя церкви[3]) и сыномъ его въ присутствіи князя Александра Ѳеодоровича и духовенства, собравшагося опустить гробы Благовѣрныхъ князей въ могилу. Эготъ іерей и сынъ его одержимы были «тѣлесною болѣзнію». Получивши внезапное исцѣленіе отъ своей болѣзни, іерей и сынъ его тотчасъ же объявили объ этомъ. Всѣ присутствовавшіе были поражены удивленіемъ и прославили Бога. Тотчасъ же былъ отслуженъ водосвятный молебенъ.

Второе чудо совершилось тогда же. Въ храмѣ во время водосвятнаго молебна находились двѣ жены, страдавшія слѣпотою. Когда они были окроплены освященною водою, получили прозрѣніе.

Третье чудо совершилось надъ однимъ человѣкомъ бѣсноватымъ апрѣля въ 3 день. Въ тотъ же день исцѣленъ былъ слѣпой.

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 186—7.

[2]) Объ обрѣтеніи св. мощей упоминаетъ Воскр. лѣт. подъ 1462 годомъ. П. С. Р. Л. VII, 226; VIII, 150.

[3]) Соф. лѣт. называетъ его „Богородицкимъ“, П. С. Р. Л. VI, 185.

Четвертое чудо совершилось того же мѣсяца въ 20 день. Получила исцѣленіе дѣвица, которая однимъ окомъ не видѣла долгое время.

Пятое чудо совершилось надъ мужемъ и женой, одержимыми бѣсомъ.

Шестое чудо совершилось въ 10 день мая. Исцѣленіе получила жена слѣпая.

Седьмое чудо совершилось въ тотъ же день надъ отрокомъ, одержимымъ «тѣлесною немощію».

Осьмое чудо совершилось 25 іюля: три жены слѣпыя прозрѣли.

Девятое чудо было въ тотъ же день съ женою бѣснуемою, которая доходила до такого неистовства, что кусала сама себя и людей.

Десятое и одиннадцатое чудо совершилось съ архіепископомъ ростовскимъ Трифономъ и ростовскимъ протоіереемъ Константиномъ [1]).

Въ рукописномъ житіи разсказывается еще 14 чудесъ.

Всѣ эти чудесныя знаменія, какъ можно думать, совершились въ первые годы послѣ открытія мощей святыхъ Благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина, потому что въ повѣствованіи о чудѣ, совершившемся надъ монахомъ Соѳоніемъ, упоминается тотъ же архимардритъ Христофоръ, при которомъ совершилось и открытіе св. мощей. Чудеса записаны жизнеописателемъ, какъ видится, со словъ преданія, а потому не всѣ указываютъ точно время, равно какъ и происхожденіе и положеніе лицъ, надъ которыми они совершались. Впрочемъ, наша благочестивая древность, проникнутая глубокою вѣрою въ дѣйствіе божественной силы на вѣрующаго человѣка, не поддавалась сомнѣніямъ, почему и благодать Божія сообщалась въ то время человѣку обильнѣе.

---

[1]) Соф. лѣт. въ П. С. Р. Л., VI, 185. Рукоп. Спас. монастыря, № 59—46.

Святыня мощей Благовѣрнаго князя Ѳеодора и чадъ его Давида и Константина всегда привлекала къ себѣ сердце вѣрующихъ. Къ ней припадали, ее лобызали не только простой нашъ русскій народъ и вельможи, но и цари. Открытіе святыхъ мощей совершилось въ княженіе великаго московскаго князя Іоанна III Васильевича.

Изъ царей первый поклонился гробу святыхъ чудотворцевъ великій московскій князь Іоаннъ III Васильевичъ. Онъ пріѣзжалъ въ Ярославль осенью 1504 года съ дѣтьми своими [1]).

Великій московскій князь Василій III Іоанновичъ былъ въ Ярославлѣ четыре раза: въ 1511, 1516, 1528 и 1530 годахъ. При немъ въ 1516 году совершилось освященіе Спасопреображенскаго храма въ Спасскомъ монастырѣ.

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный бывалъ въ Ярославлѣ много разъ и между прочимъ въ 1571 году, и, конечно, поклонялся святынѣ мощей Благовѣрныхъ князей. Доказательствомъ служатъ жалованныя грамоты его, данныя въ разное время Спасскому монастырю. Такихъ грамотъ 55 [2]).

Покланялся святынѣ мощей царь Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Принявъ царскій скипетръ въ Костромѣ 14 марта 1613 года, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прибылъ въ Ярославль 19 марта и, по случаю предстоявшаго разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ, прожилъ въ Ярославлѣ 26 дней. Мѣстомъ своего пребыванія въ Ярославлѣ онъ избралъ Спасопреображенскій монастырь, именно архіерейскія комнаты, гдѣ были келліи настоятеля. Въ признательность царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ Спасскому монастырю три жалованныхъ грамоты, а потомъ еще 15 [3]). Онъ же предпринималъ молитвенное путешествіе въ Ярославль еще въ 1620 году.

Покланялся мощамъ святыхъ чудотворцевъ Ѳеодора,

---

1) Ник. лѣт. 170.

2) Головщ. Ист. гор. Ярославля, 84; Яр. Губ. Вѣд. 1850 г. № 7.

3) Головщ. Ист. гор. Ярославля, 120.

Давида и Константина и Петръ I Великій. Въ Ярославлѣ онъ былъ пять разъ: въ іюлѣ 1693 года, въ маѣ 1694 года, въ маѣ 1702 года, въ февралѣ и іюнѣ 1696 года.

Покланялась мощамъ святыхъ чудотворцевъ императрица Екатерина II Алексѣевна. Она посѣтила Ярославль въ 1765 году, 25 мая, а потомъ она была въ Ярославлѣ еще въ 1768 году, во время своего путешествія по Волгѣ. Она пробыла здѣсь четыре дня (съ 9 числа до 13 мая).

Посѣтилъ Ярославль и покланялся святымъ мощамъ чудотворцевъ и императоръ Александръ I Павловичъ. Онъ былъ въ Ярославлѣ въ 1823 году, въ августѣ, и молился въ Спасскомъ монастырѣ.

Въ 1858 году, 14 августа, покланялись святому гробу чудотворцевъ Государь императоръ Александръ II Николаевичъ съ Государынею императрицею Маріею Александровною.

Въ 1863 году, 27 іюня, покланялся гробу чудотворцевъ Государь Наслѣдникъ и Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Въ 1866 году припадалъ къ святому гробу Государь Наслѣдникъ и Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ Великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

Въ 1868 году и въ 1884 году, 4 іюня, покланялся гробу святыхъ чудотворцевъ Великій князь Алексѣй Александровичъ.

Въ 1892 году, 2 іюня, молились у гроба святыхъ чудотворцевъ Великій князь Сергій Александровичъ съ Супругою Своею Великою Княгинею Елизаветою Ѳеодоровною.

Великій Князь Сергій Александровичъ посѣтилъ Спасопреображенскій монастырь еще 12 іюля 1897 года [1]).

Кромѣ того, благословеніе св. и Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича почиваетъ и на великихъ дѣлахъ отечества нашего. Мы не должны забывать, что отъ св. мощей ярославскихъ чудотворцевъ, послѣ молебствія, двинулось

---

[1]) О посѣщеніяхъ Высочайшими Особами Спасопреображенскаго монастыря значится на мѣдныхъ дощечкахъ, которыя прибиты на сгѣнѣ балкона въ архіерейскихъ келліяхъ.

подъ Москву ополченіе князя Пожарскаго въ 1612 году, 18 іюля. Провожали это ополченіе отъ гроба св. чудотворцевъ митрополитъ ростовскій Кириллъ и архимандритъ Спасопреображенскаго монастыря Ѳеофилъ. Отъ святыхъ мощей благовѣрныхъ князей двинулось также, послѣ молебствія, и ярославское ополченіе противъ французовъ въ 1812 году.

Вотъ что прилично и поучительно припомнить нашему времени ко дню предстоящаго торжества въ честь и славу святаго и благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича, шестьсотъ лѣтъ пребывающаго съ нами нетлѣнными своими святыми мощами.

Ранѣе сего празднества въ честь и славу Благовѣрныхъ князей Ѳеодора и чадъ его Давида и Константина православною ярославскою церковію совершались не разъ.

Первое торжество было—торжество открытія и перенесенія святыхъ мощей изъ-подъ сводовъ Входоіерусалимскаго храма въ церковь Боголѣпнаго Преображенія Господня. Это торжество совершилось въ присутствіи великаго ярославскаго князя Александра Ѳеодоровича, который, по родству, приходился праправнукомъ святому и Благовѣрному князю Ѳеодору Ростиславичу. Въ житіи Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича объ этомъ записано такъ: «Въ первый мѣсяцъ, въ пятое число мѣсяца, въ субботу вторыя седьмицы святыя Четыредесятницы снидошася священницы и монахи, и все множество народа съ женами и дѣтьми, даже и до ссущихъ младенцевъ. Посемъ пріиде великій князь Александръ Ѳеодоровичъ, правнукъ великаго князя Василія Давыдовича Грознаго, и абіе наченше подобающая пѣнія [1]). Былъ ли при торжествѣ открытія и перенесенія св. мощей 5 марта 1463 года ростовскій архіепископъ Трифонъ, свѣдѣній нѣтъ. Очень могло быть, что онъ, чувствуя свое недостоинство, по случаю сомнѣнія, самъ уклонился отъ такого участія. Въ концѣ

[1]) Рукоп. Спас. мон. № 59—46, л. 96.

рукописнаго древняго житія святаго и Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича приложено «Слово похвальное на память святыхъ чудотворцевъ». Вѣроятно, это слово было произнесено въ этотъ день. Оно написано на стихъ «Горьнихъ селеній жителемъ дольніи принесемъ похваленіе». Оно начинается такъ: «Пріидите честное и святое постниковъ сословіе, пріидите празднолюбцы, отцы и братія, пріидите христоименитое стадо словесное, пріидите овчата духовная вкупѣ новорасленныя отрасли винограда Христова, всяка бремена мірскихъ вещей отвергше, чисти и нескверни да явимся. Пріиди же и ты, граде Смоленске, восхвали отъ тебе прозябшаго и обще вси предивнаго сего чудеси насладимся, отвергше отъ себе мракъ житейскій и всяко злострастіе грѣховное отринувше и очистившеся отъ всякія скверны чувственныя, очи просвѣтивше и умомъ подвигнемся къ торжеству преподобнаго Ѳеодора, отца нашего: хощетъ бо намъ днесь трапезу духовную представити, не тѣло питающу, но духъ» [1]). Нравственныя добродѣтели св. Ѳеодора въ этомъ словѣ восхваляются такъ: «Око слѣпыхъ и нога хромыхъ, сирыхъ отецъ и вдовицамъ заступникъ, алчущимъ кормитель, нагимъ одежда, безпомощнымъ помощникъ, чистотѣ рачитель, постникомъ похвало, молчальникомъ удобреніе, терпѣнія столпъ» [2]).

Второе торжество было торжество переложенія святыхъ мощей въ новую кипарисную раку. Это переложеніе св. мощей совершалъ святитель Димитрій, митрополитъ ростовскій, въ 1704 году, 22 іюня. Тогда въ Спасопреображенскомъ монастырѣ настоятелемъ былъ архимандритъ Іосифъ. Къ нему явились доброхотные жертвователи, которые устроили кипарисную новую раку, и архимандритъ Іосифъ съ братіею Спасопреображенскаго монастыря испросили разрѣшеніе на то у святителя Димитрія. Собственно переложеніе св. мощей совершилось 21 іюня «предъ вечернимъ временемъ», а по-

---

[1]) Тамъ же, л. 158—160.

[2]) Тамъ же, л. 163.

Въ 9-мъ письмѣ къ о. Ѳологу св. Димитрій такъ упоминаетъ о семъ торжествѣ. „Мимошедшаго Апостольскаго поста, бывъ я въ городѣ Ярославлѣ, дерзнухъ недостойный выше мѣры моея дѣла, преложихъ мощи святаго благовѣрнаго князя преподобнаго Ѳеодора и чадъ его изъ ветхой раки въ новую кипарисную и взяхъ нѣкую малую отъ тѣхъ часть себѣ на благословеніе, отъ коихъ мощей честности твоей мало послахъ; хощу же послать и благодѣтелю моему господину Стефану Васильевичу."

Съ Ростова. 1704 г. іюня 28го. (Епарх. вѣд. 74 г.)

томъ на другой день, т. е. 22 іюня, былъ совершонъ крестный ходъ изъ соборныя церкви въ Спасскій монастырь. Въ этомъ крестномъ ходѣ былъ несенъ и Толгскій образъ Божіей Матери. Святитель Димитрій установилъ, чтобы въ память этого переложенія святыхъ мощей въ новую кипарисную раку совершалось торжество «каждогодно и непремѣнно». Архимандрита Іосифа онъ благословилъ посохомъ митрополита лаодикійскаго Парѳенія, который въ 1704 году скончался въ Ярославлѣ. Съ этимъ митрополичьимъ посохомъ архимандритъ Іосифъ получилъ право совершать крестные ходы и служить въ воскресные и праздничные дни, «кромѣ вседневія», если не будетъ архіерея. На это право архимандриту Іосифу дана была грамота святителя Димитрія.

Третье торжество въ честь и славу Благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина совершилось въ 1831 году по случаю устройства новаго храма въ честь Благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина. Въ это время кипарисная рака со святыми мощами вложена была въ раку серебряную, въ которой святыя мощи Благовѣрныхъ князей почиваютъ доселѣ. Это торжество было при преосвященномъ архіепископѣ ярославскомъ и ростовскомъ Авраамѣ.

Четвертое торжество было въ 1878 году, при преосвященномъ архіепископѣ ярославскомъ и ростовскомъ Іонаѳанѣ, нынѣ благополучно управляющемъ ярославскою паствою. По случаю передѣлокъ въ храмѣ Благовѣрныхъ князей, въ 1877 году мая 28 дня рака со святыми мощами была поставлена въ храмѣ Воскресенія Христова (въ Крестовой церкви), на мѣстѣ праваго клироса. Когда же передѣлки въ храмѣ Благовѣрныхъ князей были окончены, святыя мощи были перенесены обратно въ храмъ Благовѣрныхъ князей и поставлены на прежнее мѣсто, у стѣны Преображенской церкви. Это перенесеніе было облечено большою торжественностью. 19 сентября 1878 года высокопреосвященнѣйшій Іонаѳанъ, архіепископъ ярославскій и ро-

стовскій, въ 9 часовъ, по окончаніи освященія храма благовѣрныхъ князей, со всѣмъ священнымъ соборомъ прослѣдовалъ въ Крестовую церковь. Предъ гробницею благовѣрныхъ князей совершенъ былъ молебенъ. Затѣмъ священники подняли на свои рамена гробницу со святыми мощами и совершено было шествіе кругомъ Спасопреображенскаго монастыря. Въ этомъ крестномъ ходѣ участвовало духовенство всего города Ярославля. Когда святыя мощи принесены были въ храмъ благовѣрныхъ князей, въ немъ совершена была божественная литургія...

Такимъ образомъ настоящее торжество въ честь и славу исполнившагося шестисотлѣтія со дня блаженной кончины святаго и благовѣрнаго князя ярославскаго и смоленскаго Ѳеодора Ростиславича есть уже пятое.

Церковные праздники установляются православною церковію отъ временъ древности очень глубокой. Предъ очами церкви они были всегда, какъ и есть доселѣ, однимъ изъ важныхъ и необходимыхъ средствъ воспитанія народа въ духѣ православной вѣры и благочестія. Они установлялись православною церковію въ прославленіе Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятой Богородицы, въ честь и славу святыхъ, жизнію своею и подвигами христіанскаго благочестія показавшихъ достойный примѣръ подражанія, въ воспоминаніе важнѣйшихъ событій въ жизни церкви Христовой. Такъ установлены издревле праздники общіе, отправляемые одновременно во всей православной церкви Христовой. Таковы: праздникъ Пасха, почитаемый Праздникомъ Праздниковъ, праздники дванадесятые, дни воскресные и др. Есть праздники частные, мѣстные, посвященные въ честь и славу тѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, которыхъ извѣстная мѣстность, извѣстныя селенія избрали въ особые свои покровители и ходатаи предъ Господомъ Богомъ. Таковы праздники престольные и проч.

Установляя праздники вообще, святая и православная церковь имѣетъ всегда одну общую и главную мысль— отвлечь человѣка, хотя на время, отъ житейскихъ нуждъ, заботъ и тревогъ, направить его къ мысли о Богѣ и жизни угодной Ему, внѣдрить въ сердце человѣка такое памятованіе заповѣдей Господнихъ, которое бы само собою сказывалось во всякомъ дѣлѣ, при каждомъ движеніи сердца, сказывалось вопросомъ, угодно ли оно будетъ предъ Господомъ Богомъ?..

Житейскія заботы, какъ заботы о житейскихъ нуждахъ и потребностяхъ, какъ думы о лучшемъ, болѣе исправномъ исполненіи дѣла, какъ желанія и естественныя стремленія человѣка вести порядокъ во всемъ, не возбраняются отъ Господа Бога, а потому Господь и указалъ человѣку посвящать на нихъ шесть дней въ недѣлѣ. Но житейскія заботы при трудовой жизни, при скудости природы и множествѣ случайностей и лишеній, легко переходятъ въ думы и заботы тяжелыя, удручающія духъ, затмевающія чистое понятіе о всемогуществѣ и безконечной благости Божіей. Опираясь на свои расчеты, на свои труды и заботы, человѣкъ легко переходитъ къ мысли, что онъ самъ можетъ устроить благоденствіе не только свое, но и благоденствіе своей семьи, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Отсюда опять очень легко можетъ развиться въ человѣкѣ пристрастіе къ земнымъ благамъ, къ земному довольству, къ стяжанію, къ капиталамъ и проч. Господь Богъ, въ такомъ случаѣ, забывается, мысли о Немъ и Его святой волѣ въ сердце не проникаютъ; человѣкъ путается въ тревогахъ и думахъ, какъ заблудившійся, какъ потерявшій свой правильный путь... Установляя праздники, святая и православная церковь и внушаетъ чадамъ своимъ, что отъ житейскихъ заботъ долженъ быть у человѣка отдыхъ для Бога, что заботы о земномъ не главное призваніе человѣка, что вѣчное и нетлѣнное благо его на небесахъ, въ жизни вѣчной,

а потому, трудясь честно для жизни земной, онъ въ праздничные дни долженъ обдумать себя, свои дѣла, свои мысли и чувства, свои побужденія, не уклонился ли онъ отъ пути, ему Богомъ указаннаго. Онъ долженъ сходить въ Божій храмъ на молитву и поучиться тамъ отъ писаній божественныхъ, отъ голоса матери своей—церкви Христовой. Онъ долженъ собраться съ волею своею и направить ее такъ, какъ указано вѣчнымъ и неизмѣннымъ Божіимъ закономъ. Съ этою цѣлію святая и православная церковь благословила вѣрующихъ чадъ своихъ избирать въ особые покровители для себя тѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, къ которымъ болѣе припадаетъ ихъ сердце, и заповѣдуетъ молиться предъ ними, дабы они молились о нихъ передъ Господомъ Богомъ. Съ этою цѣлью она облекаетъ эти празднества особенною торжественностію богослуженія, гдѣ нарочито чествуется святое ихъ имя; съ этою цѣлью она призываетъ всѣхъ вѣрныхъ чадъ своихъ вмѣстѣ собраться въ храмъ Божій и совокупными молитвами просить объ исходатайствованіи Божіей благодати, укрѣпляющей волю на всякое благо; съ этою цѣлью она нарочито воспѣваетъ подвиги этихъ святыхъ, дабы мы въ молитвѣ своей поучались примѣрами ихъ.

И православный русскій человѣкъ привыкъ чтить церковныя празднества отъ древности и стремится къ нимъ съ доброй душой. И въ этомъ, нужно сказать, не малое счастье его. Извѣстно, какъ благочестивый русскій человѣкъ торжествуетъ церковный свой праздникъ. Онъ принарядится, пойдетъ въ Божій храмъ, помолится въ немъ за богослуженіемъ, поставитъ предъ святой иконой свѣчу, помянетъ родителей, дастъ отъ трудовъ своихъ, сколько можетъ, на церковное строеніе, отпоетъ святому молебенъ и съ умиленнымъ духомъ возвращается домой, нерѣдко въ убогую хижину... Этотъ день онъ не работаетъ. Въ древности, какъ въ болѣе благочестивое время, церковный праздникъ былъ

полнѣе и цѣлостнѣе. Въ храмъ Божій старались ходить, по возможности, всѣ и за самое начало божественной службы, съ тѣмъ чтобы простоять ее до конца и получить благословеніе отъ служащаго священника. Старались приводить въ Божій храмъ и дѣтей своихъ. Ко всему церковному древніе люди относились съ глубокимъ благоговѣніемъ. Вкушать прежде богослуженія пищу почиталось великимъ грѣхомъ. Въ праздникъ первымъ кускомъ полагался кусокъ просфоры, приносимой къ жертвеннику для поминовенія живыхъ и усопшихъ. Какъ брашно священное, просфора вкушалась съ особенною осторожностью, при чемъ наблюдалось, чтобы ни одна малѣйшая кроха не упала съ руки. Время послѣ богослуженія восполнялось чтеніемъ или слушаніемъ божественныхъ писаній и другихъ душеспасительныхъ книгъ, или бесѣдой въ семьѣ о нравственно-полезныхъ въ жизни предметахъ. Праздничная трапеза установлялась пристойная, развлеченія скромныя... И православный древне-русскій благочестивый человѣкъ старался проводить такимъ образомъ праздничные дни потому, что слушалъ уроки матери своей, святой православной церкви. И святая церковь, какъ нѣжная попечительная мать, всегда бываетъ готова употребить и употребляетъ всѣ средства къ доброму воспитанію вѣрующихъ чадъ своихъ. Не съ иною какою цѣлію она установила и настоящее церковное торжество къ прославленію покровителя и ходатая нашего святаго и Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича, выну предстоящаго предъ очами Божіими и съ нами шестьсотъ лѣтъ обитающаго нетлѣнными и святыми мощами.

Что же поучительнаго можетъ дать намъ настоящее церковное наше торжество въ честь и славу благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича? Чѣмъ и чему отъ дней и примѣра его жизни можемъ мы поучиться?

I. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что церковныя торжества вѣютъ на подготовленную, воспріимчивую душу человѣка благодатнымъ образомъ, неописуемо... Пріиди, припади, помолись—и ощутишь въ себѣ это вѣяніе благодати Господней. Дѣйствіе благодати Господней скажется само собою въ трепетѣ твоего сердца, скажется въ умиленіи твоего мятежнаго духа, скажется миромъ и любовію ко всѣмъ и всему... Припади и нынѣ къ многоцѣлебной рацѣ мощей святаго и благовѣрнаго князя Ѳеодора, и ты восчувствуешь вѣяніе божественной благодати.

II. Съ настоящимъ церковнымъ торжествомъ въ честь и славу святаго и Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича возстаетъ предъ нами православная древность, которая, съ одной стороны, дышала простотою, а съ другой—отличалась устоемъ и прочностію, устоемъ въ убѣжденіяхъ, устоемъ въ жизни, словѣ и дѣлѣ... Въ наше время сильнѣе и шире дѣйствуетъ умъ; онъ имѣетъ значительный запасъ знаній; онъ научился мыслить логично; онъ умѣетъ искать истину и обличать ложь; онъ можетъ находить правильный путь и бороться съ опасностями; но несимпатично въ немъ лишь одно,—что онъ силой своей заглушаетъ чистыя движенія сердца, что онъ склоняется больше къ расчетамъ, что онъ сталъ изворотливъ, можетъ успокоивать себя и находить всему оправданія. Древнерусское благочестіе, напротивъ, разсуждало немного. Оно вѣрило слову, вѣрило чистосердечно и прямо. Не пускаясь въ дальнія разсужденія, оно знало какъ Божіи заповѣди, такъ и завѣты отцовъ и старалось прививать ихъ непосредственно къ жизни. Тѣмъ и было крѣпко оно, тѣмъ и было устойчиво, въ томъ и была его могучая сила, въ томъ и была чарующая его красота, тѣмъ и пріобрѣло оно то обаяніе, которымъ вообще родная наша древность влечетъ насъ къ себѣ.

III. Настоящее церковное торжество въ честь и славу святаго и благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича обращаетъ наше вниманіе и на поучительную жизнь святаго

Виновника торжества. Древнее рукописное житіе его говоритъ, что онъ «измлада отъ родителю своею воспитанъ былъ въ благочестіи». Краткое слово, но оно предъ нашимъ временемъ полно глубины, полно силы мысли и чувства. Какъ воспитывали Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича родители его, чему учили и какъ учили, прямыхъ и ясныхъ свѣдѣній нѣтъ у насъ; но то, чему онъ былъ наученъ, что зналъ и какъ зналъ, мы видимъ въ его завѣщаніи дѣтямъ своимъ. «Вы, благороднiи сынове мои, плодъ чрева моего, Бога бойтеся и страхъ Его имѣйте предъ очима вашима выну, и святыхъ церквей не отлучайтеся; святители и весь освященный монашескій чинъ чтите и любите и поученію святыхъ Писаній внимайте и творите; старѣйшинъ чтите и межъ себе въ мирѣ и любви жительствуйте; чуждаго же стяжанія похитити не желайте, убогихъ милуйте, безпомощнымъ помогайте, матери своей достойную честь воздавайте; да аще послушаете мене, будете долголѣтни на земли и царствія небеснаго сподобитеся». Вотъ какія правила жизни завѣщаетъ благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ своимъ сыновьямъ, Давиду и Константину, удаляясь отъ міра. Понятно, что эти же правила вложены были и въ него воспитаніемъ подъ руководствомъ родителей. Страхъ Божій, церковь, служители святаго алтаря и Святое Писаніе въ этомъ воспитаніи стоятъ на самомъ первомъ мѣстѣ. Почтеніе къ старшимъ и миръ между собою, нестяжательность и состраданіе къ убогимъ и безпомощнымъ ставятся правилами житейскихъ отношеній къ окружающей средѣ. Почтеніе къ родителямъ является какъ бы вѣнцомъ добродѣтельной жизни. И замѣчательно здѣсь особенно то, что заповѣдуется не только имѣть благородныя чувства, но и наблюдать дѣйствительныя жизненныя отношенія. Такъ говорится: «чтите и любите», «внимайте и творите».

Что до того, какими мѣрами внѣдрялись и укоренялись эти высокія правила благочестія, то о нихъ ни въ житіи,

ни въ другихъ источникахъ не записано. Но въ древней Руси воспитательными мѣрами были однѣ: словесное внушеніе и непослушнымъ наказаніе, наказаніе даже тѣлесное, которое вело къ повиновенію родителямъ и воспитателямъ, къ почтенію и уваженію старшихъ. И эти мѣры достигали своей благой цѣли, что для нашего времени составляетъ какую-то недоумѣнную тайну.

Наше время сильно сѣтуетъ на недостатокъ благочестія въ людяхъ, на недостатокъ почтенія къ родителямъ и уваженія къ старшимъ. И дѣйствительно, доходитъ до того, что дѣти родителей не слушаютъ, а въ искренность благочестія современные люди даже плохо и вѣрятъ. Но на самомъ дѣлѣ и наше время не отреклось отъ Господа Бога; не забыло оно, что есть Божіи храмы, и оно прибѣгаетъ къ молитвѣ и даже иногда къ теплой молитвѣ, и оно знаетъ уставы церковные и Божіи заповѣди, и у насъ родители дѣтей своихъ пріучаютъ къ молитвѣ измлада, и у насъ водятъ ихъ въ храмъ и даже нерѣдко, и наше время говоритъ, что родители дали жизнь дѣтямъ своимъ, воспитали ихъ и возрастили, и наше время помнитъ сиротъ, убогихъ и нищихъ: бываютъ нерѣдко на это благотвореніе даже очень крупныя жертвы... Но все же говорятъ, что благочестія и почтенія мало... И дѣйствительно мало...

Вся жизнь стала не та. Вотъ почему и не стало того, что было прежде, въ нашей древней и православной Руси. Древняя Русь не блестѣла развитіемъ мысли, не отличалась обиліемъ знаній; кругозоръ ея, какъ говорится, былъ не широкъ, но у нея былъ свой строй: она знала домъ и семейный очагъ, она знала церковь и Божію службу, въ дальнія страны не ѣздила, прелестямъ ихъ не поддавалась, жила трудомъ и терпѣніемъ. Съ другой стороны, древняя Русь была подчиненная: дѣти подчинялись родителямъ, родители подчинялись начальникамъ, начальники своему государю, «царю-солнцу батюшкѣ», подчинялись и думали каждый по-

своему: какъ бы исполнить волю своего повелителя, какъ бы его во гнѣвъ не ввести, какъ бы заслужить его милость и ласку... И все было тихо, покойно, покорно. Тихъ былъ семейный очагъ, тихъ, но честенъ былъ трудъ, вѣрна была служба, тепла была молитва, крѣпка была вѣра...

Теперь русская жизнь стала другая. Знаній прибыло много; мысль развилась довольно широко; мы окружили себя такими удобствами, что древнерусскій человѣкъ не повѣрилъ бы; на пути просвѣщенія мы сдѣлали громадные шаги и говоримъ, что впередъ... Но довольства жизнью нѣтъ и не видится... И чувствуется, что во всемъ прекрасномъ, во всемъ удивительномъ чего-то нѣтъ, и нѣтъ чего-то существеннаго, нѣтъ чего-то такого, безъ котораго и жизнь—не порядокъ. Затѣмъ новая Русь стала свободная: она утвердилась на личныхъ правахъ человѣка; она приняла и соотвѣтственныя съ правами обязанности. Этотъ высокій и гуманный принципъ подготовлялся для русскаго человѣка съ Великаго Петра и провозглашенъ закономъ Царя-Освободителя, Государя Императора Александра II. Вся Русь тогда возликовала. И было чему ликовать: въ ней не стало раба... Сразу прибыло силы въ народѣ, силы русской, могучей. И сила эта скоро сказалась предъ всѣмъ міромъ, предъ всѣмъ бѣлымъ свѣтомъ. Она доблестно сказалась въ нашемъ походѣ за Балканы; она сказалась въ тихомъ, но могучемъ нашемъ движеніи на Востокъ: въ Хиву, Бухару, Самаркандъ и на Амуръ; она заявила себя мощнымъ словомъ Царя-Миротворца, державшаго миръ цѣлой Европы; да и не та ли же могучая русская сила заговорила и нынѣ предъ всѣмъ міромъ такъ смѣло о мирѣ всеобщемъ? Но при всей силѣ и славѣ Россіи недовольство живетъ: жалобы слышатся на то, на другое, на третье... чего-то желается. Гдѣ же коренная причина этого недовольства и жалобъ?..

Встала Россія на личныя права и свободу слишкомъ поспѣшно, оперлась на нихъ слишкомъ крѣпко, какъ будто

не знала, какъ будто забыла она въ своемъ упоеніи ту непреложную истину, что права даны человѣку для того, чтобы онъ оправдывалъ ихъ исполненіемъ долга. Вступивши на стезю новой жизни, жизни свободной, дотолѣ подчиненная Русь сразу и съ самаго корня должна была измѣниться. Какъ на самый коренной вопросъ въ измѣненіи, было обращено вниманіе на отношеніе къ дѣтямъ, или подготовку къ жизни молодыхъ поколѣній.

Воспитаніе и обученіе даже крестьянскихъ дѣтей получило строй, можно сказать, совсѣмъ противоположный тому, какой господствовалъ ранѣе безъ существенныхъ измѣненій рядъ цѣлыхъ столѣтій. Ранѣе, наприм., воспитаніе требовало, чтобы дитя было благонравно, послушно, покорно и скромно; ранѣе съ дѣтьми обращались серьезно, строго и даже сурово; ранѣе требовали, чтобы дитя было дитятей, чтобы оно воспринимало ученіе съ вѣрою въ слово учителя, безъ совопросничества, безъ возраженій, чтобы оно такимъ образомъ приготовлялось къ жизни въ молчаніи. Теперь дитя въ своемъ сознаніи поднято очень высоко. Съ первой минуты рожденія оно окружено уходомъ по правиламъ, какія успѣла дать наука здоровья; съ первыми проблесками въ ребенкѣ сознанія заботливые родители стараются уже давать ему воспитаніе. Ихъ завѣтная мечта о томъ, чтобы дитя ихъ было здорово, разумно, сердечно. Родители, знакомые съ науками, ведутъ планъ воспитанія и развитія ребенка такъ, чтобы все текло послѣдовательно и равномѣрно, соотвѣтственно возрасту. Соотвѣтственно возрасту дитя съ малыхъ лѣтъ знакомится съ міромъ природы; все доступно его пониманію, ему объясняется, объясняется, конечно, толково, правдиво; предразсудкамъ и суевѣріямъ мѣста не видится, и маленькій ребенокъ, смотришь, ужъ судитъ, разсуждаетъ и споритъ съ большими, какъ взрослый. Дивятся уму, дивятся находчивости, вспоминаютъ себя въ этомъ возрастѣ и говорятъ обыкновенно: «что прежнее вре-

мя?!» Но дитя ростетъ, выростаетъ. Съ его организмомъ ростутъ и умъ его, и познанія. Родители радуются, сторонніе хвалятъ; ребенокъ понимаетъ и знаетъ цѣну себѣ; онъ помнитъ, что и самъ не ниже, если не выше среды, которая развивала и воспитала его; ему теперь болѣе некого слушать, потому всякій авторитетъ пропалъ для него; авторитетъ — это его собственный умъ, авторитетъ для него—это знанія. Но, если дѣло встанетъ такъ съ юности, то далѣе жди необузданности. Юность впечатлительна, юность подвижна, юность порывиста, юность неустойчива, юность легка. Безъ авторитета, безъ внушенія, безъ руководства оставлять ее невозможно. Это внушаетъ самая природа вещей. Съ другой стороны, у юноши впереди серьезная жизнь, которая не поддается личнымъ воззрѣніямъ, которая потребуетъ отъ него много уступокъ. И вотъ разладъ, разладъ оскорбительный, нервный, разладъ съ собою самимъ. Что тутъ дѣлать, какъ поступить? И поступаютъ нынѣ или неопытно, или безпринципно. Одни губятъ себя, другіе губятъ другихъ. Основа одна: это—личное «я». «Я не хочу» больше терпѣть и потому убиваю себя; «я не хочу» больше терпѣть и гоню отъ себя. Итакъ, сынъ гонитъ отца, мужъ гонитъ жену, братъ брату не братъ, сестра сестрѣ не сестра... И все почему? А все потому одному, что «я» не могу, «я» не привыкъ уступать; я свободенъ и потому хочу жить свободно; меня не стѣсняли, и я никого не стѣсняю... И замѣчательно то, что такія воззрѣнія уже стали ходячими, что фактовъ печальнаго разлада стало обнаруживаться все больше и больше, можно сказать, день ото дня. Чего ждать? Дать ли ходъ теченію жизни, чтобы она сама нашла себѣ правильный путь, или измѣнить теченіе ея мѣрами внѣшними? Вопросъ затруднительный, особенно для настоящаго времени. Въ настоящее время уже можно различить двѣ крайнія стороны. Одна станетъ говорить несомнѣнно, что свобода — это такой даръ человѣка, котораго онъ искалъ

цѣлые десятки вѣковъ и, слава Богу, нашелъ; онъ купилъ его дорогою цѣною, а потому онъ его собственность. И пусть онъ этимъ даромъ владѣетъ. Другая сторона, несомнѣнно, скажетъ, что свобода человѣку хуже неволи, что съ нею онъ видимо уже и теперь приблизился къ пропасти, въ которую готовъ ринуться и погибнуть, а потому нужно его удержать, какъ дитя, которое не знаетъ опасностей и потому легко въ нихъ впадаетъ. Какъ неразумно оставлять малое дитя безъ надзора, такъ и теперь свободнаго человѣка неразумно оставлять безъ руководства. Свобода —это конь необузданный. Если конь возьметъ свою волю и не будетъ подчиняться вожжамъ, которые имъ управляютъ, то можетъ замчать туда, гдѣ сокрушится и всадникъ и онъ.

На той и другой сторонѣ есть своя правда. Дѣйствительно, свобода—драгоцѣннѣйшій даръ человѣка; человѣкъ получилъ его и пусть имъ владѣетъ. Но съ другой стороны ужели древняя Русь жила столько вѣковъ совершенно напрасно? Нѣтъ, она созидала фундаментъ для будущаго; медленно у нея шла эта работа, но прочно; помалу добывала она, но добра было много. Древняя Русь понимала натуру человѣка глубоко. Она здравымъ своимъ чутьемъ постигала, что человѣкъ, по природѣ своей, полной, безграничной свободой пользоваться совершенно не можетъ, а потому держала его къ подчиненіи и терпѣніемъ закаляла волю его, чтобы послѣ онъ могъ собою владѣть. Съ этою мыслью она воспитывала человѣка «измлада» въ преданности Божіей волѣ и святой нашей Матери церкви, въ послушаніи родителямъ и уваженіи старшихъ. Ограниченность знаній вполнѣ позволяла сживаться съ авторитетами, такъ что они имѣли обаятельный смыслъ. Подъ ихъ постояннымъ вліяніемъ и создался тотъ особенный строй древне-русской жизни, который имѣлъ глубокое воспитательное значеніе. Наше время, какъ время свободы и расширенія знаній, устремилось къ тому, чтобы авторитеты отвергнуть и поставить жизнь на полной лич-

ной свободѣ; но ошибка времени скоро сказалась, и потребность въ подчиненіи стала вопіющей нуждой какъ въ дѣлѣ воспитанія, такъ и въ дѣйствительной жизни. Эта потребность и заставляетъ обращаться за поученіемъ къ древности, которая пережила вѣка, которая съ торжествомъ выходила отъ самой погибели. И это оттого, что въ ней были устои, устои прочные, тѣсно соединенные съ духомъ и жизнью. И Русь выработала себѣ эти устои не для одного какого-либо вѣка, не для одного какого-нибудь періода, не для однихъ обстоятельствъ, а на цѣлую народную жизнь. Фундаментъ, который Русь положила жизнью девяти вѣковъ, долженъ будетъ держать на себѣ все ея бытіе. Будутъ мѣняться формы, будутъ мѣняться стремленія, цѣли, задачи, но фундаментъ жизни ея всегда будетъ одинъ. Зданіе прочно стоитъ только дотолѣ, доколѣ будетъ проченъ фундаментъ, доколѣ все, построенное на немъ, въ немъ будетъ находить для себя прямую опору. То же нужно сказать и о жизни народа. Такимъ образомъ между древнею жизнію и жизнію новою, нашею, противорѣчія нѣтъ и быть не должно. То не противорѣчіе, что древняя жизнь была подчиненная, а наша свободная; древняя Русь и подготовляла фундаментъ свободѣ, какая для человѣка возможна, какая ему нужна и какая полезна. Такъ какъ человѣкъ, по испорченной природѣ своей, не можетъ пользоваться всею полнотою свободы, то онъ долженъ самъ искать себѣ ограниченій. Какъ свободный и разумный, онъ долженъ искать ограниченія своей воли всего прежде въ себѣ, въ своемъ разумѣ, а потомъ въ опытѣ жизни другихъ. Трудность жизни и явная безпомощность въ тяжелыхъ ея обстоятельствахъ заставляютъ его искать помощи свыше. Вотъ почему святая и православная церковь, учреждая торжество въ честь и славу святаго и Благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича, возводитъ насъ къ воспоминанію дней древнихъ и прославленіемъ его жизни и подвиговъ возводитъ насъ къ поученію.

Θеодоръ Ростиславичъ «измлада» воспитанъ былъ въ благочестіи,—воспитывать въ благочестіи своихъ дѣтей должно и намъ. И будутъ они тогда расти на началахъ своей родной старины, и познаютъ они свободу свою съ разумѣніемъ на благо себѣ и дальнѣйшихъ своихъ поколѣній.

IV. Воспитанный «въ благочестіи отъ родителю своею измлада» святый и Благовѣрный князь Θеодоръ былъ благочестивымъ во всю свою жизнь, до самаго гроба. И благочестіе его было жизненное: онъ благочестивъ былъ не въ мысляхъ только и чувствахъ своихъ, не въ словахъ и желаніяхъ, но на дѣлѣ. Не говоря о томъ, что онъ любилъ Божій храмъ и молитву, не говоря о томъ, что онъ былъ заступникомъ сирыхъ, покровителемъ убогихъ, успокоеніемъ нищихъ, онъ былъ княземъ благочестивымъ и на полѣ брани, гдѣ долженъ былъ защищать правду съ оружіемъ въ рукахъ, онъ былъ благочестивъ и въ татарской ордѣ, гдѣ представлялся ему соблазнъ любви, чести и славы. Сѣмена благочестиваго воспитанія отъ юности привились къ его сердцу, уму и натурѣ, такъ что никакое терніе заглушить его не могло. Сильно заглушающимъ терніемъ была тогда удѣльная рознь между князьями и междоусобныя войны, въ которыхъ русская земля сама губила себя. И нужно понять, что это была не личная какая-нибудь прихоть князей,—это было условіе жизни, склада народныхъ понятій. Князь выходилъ на войну съ дядей своимъ или братомъ, съ племянникомъ, внукомъ не потому, чтобы ему хотѣлось что-нибудь захватить, пріобрѣсть, не потому, чтобы ему хотѣлось отомстить личное свое оскорбленіе или обиду, а потому, что ему необходимо было защитить правду и право, ему необходимо было снять темное пятно какъ съ себя, такъ и съ народа, ему подчиненнаго. По духу тогдашняго времени и народныхъ понятій, снять это пятно оскорбленія долженъ былъ князь. Это было не только право его, но и обязанность. И вотъ, князь объявляетъ походъ, и народъ идетъ съ нимъ жертво-

вать жизнью охотно, когда видитъ, что князь дѣйствуетъ въ интересахъ и взглядахъ народа. Но бывало, что народъ говорилъ князю прямо: «Князь! ты на насъ не сердись: на племя Владимірово мы не можемъ рукъ поднимать»... «Князь! давай намъ коней и оружіе: мы опять хотимъ биться съ половцами»... Князь не далъ коней и оружія и былъ выгнанъ изъ Кіева. Честно было жить подъ княземъ справедливымъ и твердымъ и нечестно было служить князю несправедливому, робкому, слабому. Таковъ въ своей основѣ былъ взглядъ удѣльнаго времени. Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ долженъ былъ раздѣлять эти народные взгляды и подчиняться ихъ требованіямъ. И онъ могъ бы пролить много крови, за которую не упрекнуло бы его тогдашнее время; но благочестивая «измлада», святая душа его не пожелала того.

Обидѣли его родные братья, Глѣбъ и Михаилъ, въ раздѣлѣ отцовскихъ наслѣдій. Другой вступился бы за права; народъ поддержалъ бы его правоту; если бы онъ почувствовалъ себя слабымъ въ борьбѣ съ силой большей, то взялъ бы наемниковъ, какъ у другихъ нашихъ князей дѣлалось часто; но онъ уступилъ, удовольствовавшись и малымъ Можайскомъ. А почему? Потому, что не хотѣлъ христіанскую православную русскую кровь проливать и губить добро, нажитое тяжелымъ трудомъ. Не приняли его къ себѣ ярославцы, когда въ отсутствіе его скончалась супруга Марія Васильевна. Другой на мѣстѣ его, пользуясь благоволеніемъ хана, предалъ бы Ярославль полнѣйшему разгрому съ силой татаръ и за то не отвѣчалъ бы предъ временемъ, потому что названъ бы былъ справедливымъ; а Ѳеодоръ Ростиславичъ «пожалѣлъ» Ярославль и ушелъ снова въ орду... Возникла вражда у сыновей Александра Ярославича Невскаго, вражда принципная, вражда, которая должна была рѣшить вопросъ, быть или не быть на Руси удѣльнымъ князьямъ. Благовѣрный князь Ѳеодоръ Ростиславичъ принялъ

участіе въ этой кровопролитной враждѣ; онъ всталъ за правду, за право удѣльное. Верхъ, побѣда осталась на его сторонѣ и ему въ награду за службу данъ былъ Переяславль, городъ очень значительный. Но что же случилось? Братья Димитрій и Андрей Александровичи примирились между собою и Переяславль у Ѳеодора взяли, такъ что онъ возвратился въ Ярославль съ поля брани только съ однимъ оскорбленіемъ... Родной племянникъ его Александръ Глѣбовичъ отнялъ у него (предъ концомъ уже жизни его) отцовское наслѣдіе, смоленское княжество. Рѣдкая обида и въ то междоусобное время. Ѳеодоръ Ростиславичъ рѣшился показать родному племяннику странность поступка его, вышелъ въ походъ, бился подъ стѣнами Смоленска нѣсколько времени; но стѣны Смоленска были очень тверды; нужно было много положить подъ ними народу; онъ пожалѣлъ и ушелъ въ свой Ярославль... Что было основой для такихъ высокихъ и благородныхъ воззрѣній въ то междоусобное время, какъ не благочестіе, полученное «отъ родителю своею измлада?» Благочестіе научало быть кроткимъ, благочестіе научало быть, гдѣ нужно, уступчивымъ; благочестіе всегда можетъ дать на вещи правильный взглядъ, оно всегда можетъ пролить свой истинный свѣтъ и на сложныя вещи, и на обстоятельства спутанныя. Вотъ чѣмъ и чему еще поучаетъ насъ настоящее торжество, установленное церковію въ воспоминаніе кончины и жизни благовѣрнаго князя Ѳеодора Ростиславича, который именуется «Чернымъ».

Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ († 1125).

Линія князей Ярославскихъ.

Юрій Владиміровичъ († 1157 г.).

Всеволодъ III Юрьевичъ (большое гнѣздо † 1212 г.).

Константинъ Всеволодовичъ (Мудрый † 1210 г.).

Всеволодъ (Іоаннъ) Константиновичъ — первый князь *Ярославскій* († 1238 г.).

Василій Всеволодовичъ ярославскій, Ксенія (супруга его).

Марія Васильевна 1-я супруга.

Михаилъ.

Линія князей смоленскихъ.

Мстиславъ Владиміровичъ († 1132).

Ростиславъ Мстиславовичъ *смоленскій* († 1164 г.).

Давидъ Ростиславовичъ смоленскій († 1197 г.).

Мстиславъ (Ѳеодоръ) Давидовичъ смоленскій († 1230 г.).

Ростиславъ Мстиславовичъ смоленскій († 1245 г.).

Св. *Ѳеодоръ Ростиславичъ* (Черный † 19 сент. 1299 г.). 2-я супруга Анна.

Св. Давидъ Ѳеодоровичъ ярославскій († 1321 г.), св. Константинъ.

Василій Давидовичъ ярославскій († 1344 г.), Михаилъ Мологскій.

Василій Васильевичъ († 1400 г.), Глѣбъ Васильевичъ, Романъ Васильевичъ.

Іоаннъ Васильевичъ ярославскій, Ѳеодоръ, Симеонъ, Димитрій, Воинъ.

Александръ Ѳеодоровичъ (*послѣдній* кн. ярославскій).

Данилъ, на службѣ у моск. князя, воевода.

Бб — 430

ХВАЛЕБНАЯ ПѢСНЬ

Св. Благовѣрному Князю Ѳеодору,

Ярославскому Чудотворцу.

Въ духѣ смиренія съ теплымъ моленіемъ,
Братья, ко гробу Святыхъ припадемъ,
Въ день ихъ скончанія пѣснь величанія
Свѣтлой ихъ троицѣ хоромъ споемъ.
О Преблаженные, дивно-нетлѣнные,
Много вѣковъ почиваете Вы,
Жизнь, исцѣленіе, миръ и спасеніе
Всѣмъ подавая въ отвѣтъ на мольбы.

Слава Создателю—жизни подателю,
Свѣтлаго сонма блаженныхъ Творцу!
Слава великому Князю Ѳеодору,
Чадъ благовѣрныхъ святому отцу!

Княже, съумѣлъ ты въ годину жестокую
Чистую душу въ себѣ сохранить,
Съ юности алчность и зависть глубокую
Съ Божіей помощью въ сердцѣ убить;
Малымъ довольный—за право владѣнія
Въ распри удѣльныя ты не вступалъ,—
И Жизнодавецъ тебѣ за смиреніе
Славный удѣлъ и могущество далъ.

Слава Зиждителю—добрыхъ хранителю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

Сдѣлавшись нашего града властителемъ,
Ты—Благовѣрный—украсилъ его,
Былъ ему честнымъ и вѣрнымъ хранителемъ
И не щадилъ для него ничего;
Добрый и ласковый,—съ теплымъ участіемъ
Всѣхъ ты къ себѣ, какъ отецъ, принималъ,
Каждому помощь во время несчастія
Дѣломъ и словомъ благимъ подавалъ.

Слава Создателю—жизни подателю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

Мужество, доблесть и жизнь благодатная
Славу твою далекò разнесли,—
И улетѣлъ ты на подвиги ратные
Къ гордому хану Ордынской земли;
Тамъ, не смотря на разлуку съ родимыми,
Трудную жизнь и отчаянный бой,—
Все перенесъ за отчизну любимую,
Все претерпѣлъ ты, нашъ славный герой.

Слава Зиждителю—добрыхъ хранителю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

Трудная жизнь потекла для воителя:
Чáстыя войны, тревоги, бѣды,—
То онъ воюетъ въ предѣлахъ родителя,
То помогаетъ владыкамъ Орды;
Кажется, дня онъ не знаетъ спокойнаго:
Сердце страдаетъ за близкихъ родныхъ,
Хочетъ почтить оно славы Достойнаго,
Бѣднымъ помочь, успокоить больныхъ.

Слава Создателю—жизни подателю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

Всѣ его ждутъ словно добраго генія,—
Тутъ онъ управу даетъ городамъ,

Здѣсь помогаетъ роднымъ въ затрудненіи,
Тамъ устрояетъ для плѣнниковъ храмъ;
Полный горячей любовью къ Спасителю,
Доброе сѣмя онъ сѣетъ вездѣ
И черезъ бракъ привлекаетъ къ Зиждителю
Лучшую о́вцу въ невѣрной Ордѣ.

Слава Зиждителю—добрыхъ хранителю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

Были при этомъ нерѣдки страданія,
Скорби, обиды,—но Онъ перенесъ
Все это въ жизни своей безъ роптанія,
Безъ малодушныхъ стенаній и слезъ;
Честно свершилъ онъ свое назначеніе,
И, предузнавъ свой послѣдній предѣлъ,
Снова въ свое родовое владѣніе—
Въ нашъ Ярославскій пріѣхалъ удѣлъ.

Слава Создателю—жизни подателю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

Здѣсь, передъ самымъ своимъ преставленіемъ,
Схиму онъ принялъ, обиды простилъ
И, преподавъ сыновьямъ наставленіе,
Съ теплой молитвою къ Богу почилъ.
Но не погасло святое сіяніе,—
Радуйся, Княже: твои сыновья,
Помня благія твои увѣщанія,
Съ юности предали Богу себя.

Слава Зиждителю—добрыхъ хранителю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

И, словно вѣтви отъ древа блаженнаго,
Добрые Богу плоды принесли...
Радуйся, Княже: ихъ мощи нетлѣнныя
Вмѣстѣ съ твоими въ гробу обрѣли.

О, не оставь же и насъ, призывающихъ
Имя твое, Благовѣрный, въ мольбѣ
И передъ гробомъ твоимъ воспѣвающихъ
Эту смиренную пѣсню тебѣ!

Слава Создателю—жизни подателю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

Будь нашей родинѣ милой хранителемъ,
Тучи враговъ отъ нея отгони;
Дай Императору, церкви и жителямъ
Свѣтлые, мирные, долгіе дни;
Всѣмъ окажи свою помощь чудесную,
Всѣмъ,—да прославится Имя Того,
Кто воспріялъ тебя въ царство небесное,
Въ свѣтлую область Отца Своего.

Слава Зиждителю—добрыхъ хранителю,
Свѣтлаго сонма... и т. д.

А. Д.

1899 г. Іюль.

Печатать дозволяется. Ярославль. Августа 12-го дня 1899 года.
Цензоръ протоіерей *М. Трощкій.*

Ярославль. Типо-лит. Э. Г. ФАЛЬКЪ, Духовская ул.

НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ.

Нижепоименованныя книги священ. магистра о. Григорія Дьяченко продаются у московскаго книгопродавца А. Д. Ступина, къ которому благоволятъ обращаться по слѣд. адресу: Москва, Никольская, домъ Ремесленной управы, книжная торговля А. Д. Ступина.

1) **Только-что отпечатанъ полный церковно-славянскій словарь** (со внесеніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій), **содержащій въ себѣ объясненія малопонятныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ рукописяхъ и книгахъ,** а именно: 1) священно-библейскихъ книгахъ ветхаго и новаго завѣта; 2) церковно-богослужебныхъ, напр. въ октоихѣ, тріодяхъ, минеяхъ, часословѣ, псалтири, молитвословѣ, требникѣ, ирмологіи, типиконѣ и проч.; 3) духовно-поучительныхъ, напр. въ прологѣ, патерикѣ, ч.-минеяхъ, твореніяхъ св. отецъ, словахъ, бесѣдахъ, поученіяхъ, посланіяхъ и проч.; 4) церковно-каноническихъ и т. п. книгахъ древней духовной какъ переводной, такъ и самобытной письменности, а также 5) въ памятникахъ свѣтской древне-русской письменности, какъ то: лѣтописяхъ, изборникахъ, судныхъ грамотахъ, уложеніяхъ, договорахъ, былинахъ, пѣсняхъ, пословицахъ и др. поэтическихъ и прозаическихъ произведеніяхъ древне-русской письменности, начиная съ X до XVIII вв. включительно.

Пособіе 1) для преподавателей русск. и церк.-слав. языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) для занимающихся изученіемъ русскихъ древностей, филологическими разысканіями въ области исторіи и этимологіи родного языка и т. п. работами; 3) для пастырей церкви, какъ совершителей богослуженія, законоучителей, проповѣдниковъ и миссіонеровъ, и 4) для всѣхъ, желающихъ стать въ сознательно-разумныя отношенія какъ къ языку матери-церкви, такъ и къ родному слову въ его современномъ состояніи и историческихъ судьбахъ. Составилъ священникъ магистръ Григорій Дьяченко (бывшій преподаватель рус. яз. и словесности). Словъ объяснено около 30000. Изд. 1899 г. Стр. 1120+XXXVIII. Ц. этой книги **3** р. **50** к. безъ перес. и **4** р. **25** к. съ перес.

2) Его же: **Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій всего года,** читаемыхъ на литургіяхъ и всенощныхъ бдѣніяхъ, съ подробн. догматическими и нравств. выводами. Пособіе для веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій

съ народомъ. Въ 2-хъ частяхъ. Ч. 1. **Объясненіе воскресн. евангелій**, стр. 430. Ц. **1 р. 25** к. безъ перес. и **1 р. 50** к. съ перес. Отз. см. въ **Церк. Вѣд. при Св. Сунодѣ** за 1899 г.; **въ Паст. Собесѣд.** за 1899 г. № 8 и др. орг. Ч. 2-я. **Объясненіе праздничныхъ евангелій**, стр. 490. Ц. **1 р. 25** к. безъ перес. и **1 р. 50** к. съ перес., изд. 1899 г.

3) Его же. **Духовные посѣвы. Краткій сборникъ** разсказовъ, статей и стихотвор. духовно-нравственнаго содержанія, приспособлен. *къ общедоступному объясненію* главнѣйшихъ истинъ катихизическ. ученія правосл. церкви. **Третье допол. изд.** 1899 г. Ц. 1 р., съ перес. **1 р. 20** к. *Одобрит. отзывъ объ этой кн. см. въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Сунодѣ, за 1897 годъ, № 24.*

4) **Ежедневныя поученія въ словѣ Божіемъ по руководству литургійныхъ, евангельскихъ и апостольскихъ чтеній** на дни воскресные, праздничные и седмичные всего года. **Полное практическое пособіе для проповѣдниковъ слова Божія.** Въ трехъ томахъ. Составлены преимущественно по лучшимъ проповѣдн. образцамъ свящ. магистромъ Гр. Дьяченко. Изд. А. Д. Ступина.

Томъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Стр. 746. Всѣхъ поученій около 465. Цѣна **1 р. 50** к. безъ пересылки и **2** р. съ пересылкой. Изд. 1899 г. **2-е дополн.**

Томъ второй. Поученія на всѣ праздники великіе, средніе и малые. Всѣхъ поученій 475. Ц. **2** р. безъ пересылки и **2 р. 50** к., съ пересылкой. Изд. 1899 г. **2-е дополн.**

Томъ третій. Поученія на дни седмичные (будніе) всего года, съ присовокупленіемъ поученій по церковнымъ чтеніямъ и пѣснопѣніямъ на всѣ дни Четыредесятницы. Стр. 985. Всѣхъ поученій 486. Цѣна **2** р. безъ перес. и **2 р. 50** к. съ перес.; перепл. кореш. **50** к. коленк. по **1** р. *Одобрит. отзывъ объ этихъ книгахъ см. въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Сунодѣ, за 1897 г. № 44,* и въ другихъ орг. печати.

5) **Полный годичный кругъ краткихъ поученій, составленныхъ на каждый день года** примѣнительно **къ житіямъ святыхъ, праздникамъ** и др. свящ. событіямъ, воспоминаемымъ церковію, и приспособленныхъ къ живому проповѣдническому слову (импровизаціи). Составилъ преимущественно по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ свящ. магистръ *Гр. Дьяченко.* **Изданіе второе, пересмотрѣнное и значительно дополненное**, 1897 г. Въ двухъ томахъ. **Томъ первый** (первое полугодіе), заключающій въ себѣ 330 поуч. (548 стр.). Цѣна безъ перес. **1 р. 50** к., съ перес. **2** руб.

Томъ второй (второе полугодіе), содержащій 375 поуч. Цѣна безъ перес. **2** р., съ перес. **2 р. 50** к., изд. А. Д. Ступина. *Одобрит. отзывъ см. въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Сунодѣ, за 1897 г., № 8,* и въ др. орг. печати за тотъ же годъ.

6) **Вопросы на исповѣди** по руководству 10-ти заповѣдей Зак. Божія, 9-ти еванг. заповѣдей о блаженствахъ и 9-ти церк. заповѣдей съ **подробнымъ пастырскимъ увѣщаніемъ** кающагося и съ указаніемъ ему **духовно-врачебныхъ средствъ въ борьбѣ**

съ грѣховными наклонностями. Стр. 158, 2-е, значит. дополнен. изд. 1897 г. А. Д. Ступина.

Пособіе для пастырей церкви при совершеніи ими таинства покаянія и для говѣющ. мірянъ. Цѣна этой брошюры **30 к.**, съ пересылкой **40 к.**

Отзывъ о брош. см. въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Сунодѣ, за 1897 г., № 14.

7) Его же. **Наканунѣ исповѣди.** Общедоступное духовно-нравственное чтеніе для говѣющихъ. Съ приложеніемъ статей **о спасеніи души** и духовныхъ стихотвореній. Стр. 126. Второе значительно дополненное изданіе 1897 г. Цѣна **20 к.**, съ пересылкой **30** коп. Изд. А. Д. Ступина. Отзывъ о брошюрѣ можно читать въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Сунодѣ, за 1897 г., № 14.

8) Его же. **Наканунѣ св. причащенія.** Общедоступн. дух.-нравствен. чтеніе. Цѣна **20 к.**, съ перес. **30 к.** Изд. 2-е А. Д. Ступина.

9) Его же. **Вопросы на исповѣди дѣтей.** Съ подробными пастырскими наставленіями ихъ. Пособіе для пастырей при исповѣди отроковъ и для родителей *при подготовкѣ дѣтей къ исповѣди.* Цѣна **30 к.**, съ пер. **40 к.** Изд. А. Д. Ступина.

10) Его же. **Самоиспытаніе христіанина.** Общедоступное духовно-нравственное чтеніе, преимущественно во дни великаго поста. Цѣна **30** коп., съ перес. **40** коп. Изданіе А. Д. Ступина.

Слѣдующія книги, изд. И. Д. Сытина (Москва, у Ильинскихъ воротъ, д. Титова, книжный складъ И. Д. Сытина), продаются также и у А. Д. Ступина, по означенному выше адресу:

1) **Слова, поученія, бесѣды и рѣчи пастыря церкви на разные случаи** въ личной, семейной, школьной, церковно-приходской, религіозно-нравственной и гражданско-общественной жизни христіанина, приспособленныя къ живой церковной проповѣди, внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и домашнему чтенію христіанъ. Составилъ преимущественно по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ священникъ магистръ Г. Дьяченко. Ц. **2 р. 50 к.** Изд. 1898 г. Всѣхъ поученій въ этой книгѣ 550, стр. 1015. На перес. прилагаютъ за 4 ф., смотря по разстоянію.

Отзывъ объ этой книгѣ можно читать въ „Церков. Вѣд.“, изд. при Св. Сунодѣ, за 1898 г., № 3, а также въ „Паст. Собесѣдникѣ“ и „Воскр. Днѣ“ за тотъ же годъ и въ др. орг. печати.

2) Его же. **Катихизическія поученія, общедоступно излагающія ученіе о христіанской вѣрѣ, надеждѣ и любви,** съ библейскими и церковно-историческими **приложеніями** къ поученіямъ, приспособленныя къ живой церковной проповѣди, внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ

народомъ и семейному чтенію христіанъ. Ц. **2** р. **50** к. Изд. 1898 г. Всѣхъ поученій 450 со 100 къ нимъ библейскими и церковно-историческими приложеніями. Страницъ 1040. На перес. за 4 ф. по разстоянію.

Отзывъ объ этой книгѣ можно читать въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 1 (янв. кн.); въ № 3 „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Сунодѣ, за 1898 г.; въ № 9 „Воскр. Дня“ за тотъ же годъ; въ „Паст. Соб.“, въ № 10, за тотъ же годъ, и въ др. орг. печати.

3) Его же. **Общедоступныя бесѣды о богослуженіи православной церкви,** приспособленныя къ живой церковной проповѣди, внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и семейному чтенію христіанъ. Со многими церковно-археологическими, церковно-историческими, догматическими, нравственными и иными **приложеніями.**

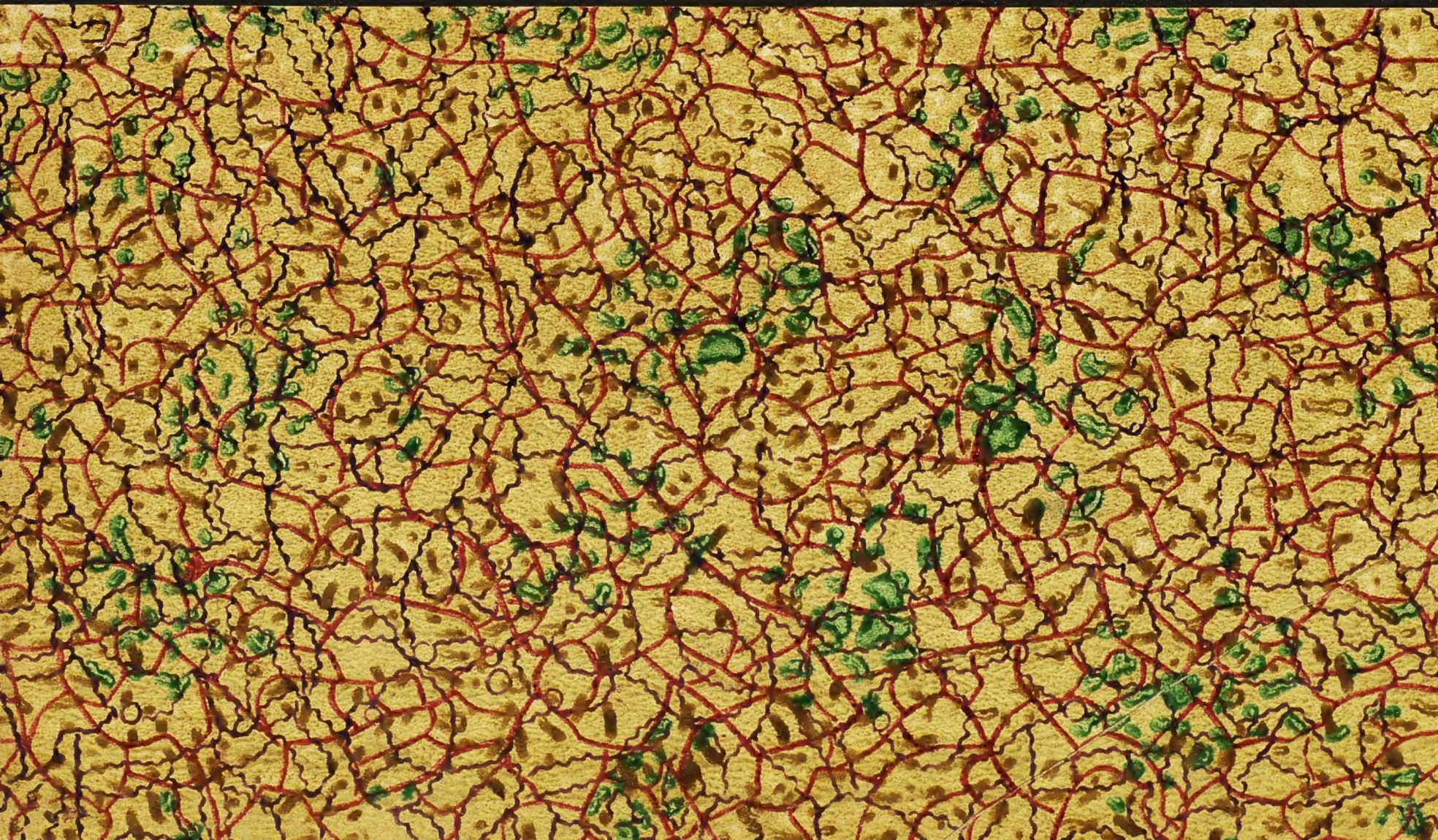
Всѣхъ бесѣдъ 297 со 149 къ нимъ приложеніями. Стр. 1143 + LX. Цѣна книги **3** р. На перес. прилагается за 5 ф., смотря по разст. Изд. 1898 г.

Отзывы см. въ „Богословско-библ. листкѣ“, прилож. къ Рук. для с. паст., вып. 10, 1898 г.; въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Сунодѣ за 1898 г.; въ „Паст. Соб.“ за тотъ же годъ и въ др. орг. печати.

Слѣдующія книги того же автора (главный складъ конхъ находится у И. Е. Ефимова: Москва, Б. Якиманка, собств. домъ) имѣются также въ книжн. складѣ А. Д. Ступина (Москва, Никольская, д. Ремесл. управы):

Христіанскія утѣшенія несчастныхъ и скорбящихъ, испытывающихъ бѣдность, болѣзни, потери родныхъ и близкихъ сердцу, житейскія неудачи, злорѣчія, разочарованіе въ жизни, мучительную борьбу съ грѣхомъ и страстями, съ религіознымъ сомнѣніемъ и помыслами невѣрія, съ отчаяніемъ въ спасеніи своей души, со страхомъ смерти, и многія другія тѣлесныя и духовныя скорби и страданія. Въ 2-хъ частяхъ.

1) Т. I. **Утѣшенія въ скорбяхъ тѣлесныхъ.** Стр. 618. Изд. 1898 г. Ц. **1** р. **75** к. безъ перес. и **2** р. **25** к. съ перес. Одобрит. отзывы см. въ № 45 **Цер. Вѣд.**, изд. при Св. Сунодѣ, за 1898 г., № 40 **М. Еп. Вѣд.** за тотъ же годъ, **Паст. Соб.** за 1899 г. № 5 и въ др. орг. печати.

2) Т. II. **Христіанскія утѣшенія въ скорбяхъ духовныхъ.** Цѣна **1** р. **50** к. безъ перес. и **2** р. съ перес. Стр. 508. Изд. 1898 г. Отз. см. въ № 8 **М. Церк. Вѣд.** за 1899 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА